

А.М. СУНГУРСКИЙ

Я ВЗЯЛ
ТОЛЬКО
МИЛЛИОН

16+

А.М. Сунгурский

Я взял только миллион

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Я взял только миллион / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Во время офисного переезда водитель Денис Шатилов берёт из открытого сейфа миллион рублей. Несколько секунд — и можно закрыть старый долг. На следующий день хозяина находят убитым. Из офиса пропали восемнадцать миллионов, а на записи камеры остался Денис с сумкой. Он готов признаться в краже. Но как доказать, что ты не убивал, если тебе уже не верят даже дома? Вместе с вдовой хозяина Денис восстанавливает день переезда: два рейса, забытые вещи, чужие распоряжения. Кто-то знает, куда делись остальные деньги. И этому человеку очень удобно, что настоящий вор уже найден.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Плата за подъём	5
Глава 2. Две пачки	11
Глава 3. Покупки к ужину	16
Глава 4. Воскресный ключ	22
Глава 5. Восемнадцать	27
Глава 6. Чужой голос дома	32
Глава 7. Семьсот тысяч	38
Глава 8. Цена правды	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

А.М. Сунгурский

Я взял только миллион

Глава 1. Плата за подъём

Денис предложил вынести кресло через окно, прежде чем увидел этаж.

Потом вышел из фургона, задрал голову и сказал Филиппу, что это была предварительная оценка. Из окна второго этажа на него смотрел пожилой человек с чашкой. По выражению лица было непонятно, сотрудник он или уже пострадавший заказчик.

— Через дверь пойдёт, — сказал Филипп.

— Пойдёт. Если дверь согласится.

— Я вчера мерил.

Вот за это Денис и любил с ним работать: пока он договаривался о цене, Филипп мог без разрешения измерить дверь. Ещё в нём было несколько полезных свойств — не опаздывал, не пил на погрузке и не считал, что маленькую женщину можно заставить подождать просто потому, что она маленькая. Зато всякую шутку, в которой ему виделось указание, принимал буквально. Однажды Денис сказал, что шкаф придётся вынести вместе со стеной, и Филипп стал объяснять, почему это не входит в их работу.

Суббота обещала быть хорошей. Небо над Самарой затянуло светлой рябью, на асфальте ещё держались влажные следы ночного дождя, и у конторы, которую предстояло перевозить, нашлось место сразу для двух машин. Денис сдал назад, оставив достаточно пространства для дверей кузова, и заглушил двигатель. Тот затих с последним недовольным ударом; Филипп прислушался.

— На горячую опять?

— Характер такой.

— У двигателя?

— У владельца. Двигатель подстраивается.

Филипп забрал из кабины перчатки. Денис вынул телефон: от Стаса было три сообщения. Последнее состояло из вопросительного знака. Вчера он обещал ответить утром; утром собирался ответить после первого заказа, а первый заказ ещё даже не начался. Триста тысяч не становились меньше от того, что их переставали писать цифрами.

Он погасил экран.

В коридоре пахло пылью и разогретым пластиком. Фирма делала стенды для выставок и сдавала оборудование: металлические стойки, световые короба, подиумы, которые на фотографиях выглядели гораздо наряднее, чем в разобранном виде. Вдоль стены стояли сложенные пополам афиши с людьми, счастливыми по служебной необходимости. Над ними висела камера. На объективе отражалось окно, отчего казалось, будто чёрный глаз прищурился.

Хозяин вышел из дальнего кабинета с рулоном бумаги под мышкой.

— Шатилов?

— Пока да.

— Что значит пока?

— Пока не предложили другую фамилию с лучшими условиями.

Хозяин посмотрел на Филиппа. Тот уже примерялся к креслу возле стены.

— Денис, — сказал он. — Не начинай.

— Не начинаю. Павел, правильно?

— Павел Андреевич. Можно Павел. Два рейса, как договаривались. Во втором останутся тумбы и архив. Всё, что с зелёной лентой, туда. Без ленты не трогать.

Денис оглядел коридор. На афише у чёрного глаза была зелёная лента. На дорогом кожаном кресле не было.

— А оно?

— Остаётся.

Филипп выпрямился. Денис выдержал паузу.

— Видишь, как хорошо, что мы окно не открыли.

Павел улыбнулся не сразу, будто сначала проверил, сколько времени ему обойдётся эта улыбка. Рулон он положил на подоконник, рядом с чашкой человека, смотревшего сверху. Сам человек оказался пластмассовым бюстом в кепке, прислонённым к спинке стула. Снизу, через стекло, Денис принял его за живого.

— А этот сотрудник тоже остаётся?

— Этот в увольнении. Манекен для прошлого показа. Унесёте последним, если влезет.

Павел подошёл к бюсту, снял с него кепку и надел себе. Она была мала. Он тут же снял её, но Филипп успел заметить и впервые за утро усмехнулся.

Из соседней комнаты вышла женщина в серых брюках. На предплечье у неё висел моток малярной ленты, в руке была папка.

— Паша, ты мне обещал десять минут.

— Валерия, я сейчас.

— Твои «сейчас» уже переехали. Я осталась.

Павел забрал у неё папку и показал грузчикам дальнюю комнату. Там стояли столы с вывинченными ножками. У окна лежали два прозрачных щита, обмотанные тканью. Денис быстро решил, как уложить их вдоль борта, а тумбы поставить посередине, и почувствовал знакомое облегчение: перед ним наконец было дело, которое можно решить без объяснений.

Он провёл пальцем по ребру первого щита.

— Трещины были?

— Нижний угол, — ответил Павел. — Под тканью. Яков сказал, пока не выбрасывать, можно обрезать.

— Тогда сфотографируйте до нас. Чтобы потом не получилось, что мы привезли трещину отдельно.

Павел достал телефон. Не стал спорить, что доверяет хорошим людям. Это Денису понравилось. Вообще хозяин производил впечатление человека, с которым можно работать, если не позволять ему считать твоё время своим. Такое сочетание попадалось достаточно часто, чтобы Денис не принимал его ни за особую доброту, ни за предупреждение.

— Треснувший пока здесь оставим, — решил Павел, глядя на снимок. — Второй везите.

Они начали со столов. Возле хозяйского стола мешала тёмная дорожная сумка; Павел отодвинул её ногой, пропуская грузчиков с первым коробом. Столешница оказалась тяжелее, чем обещало пустое подстолье: в прикрученном снизу лотке забыли удлинитель с блоками питания. Филипп заметил его на повороте и остановился, удерживая край на бедре. Денис полез отвинчивать крепление. Павел забрал провод и сказал, что это к Якову, а не на новый склад.

— К Якову так к Якову, — отозвался Денис. — Главное, чтобы Яков не ехал в этом лотке.

— Он сам едет.

За окнами затормозила машина. Денис услышал, как хлопнула дверь и кто-то громко поздоровался во дворе. Через минуту в коридоре появился широкоплечий мужчина в синей рубашке. Он держал две бутылки воды за горлышки.

— Подъём уже посчитали? — спросил он.

— Смотря что поднимать.

— Цены. Вы же с этого начинаете.

— Мы начинаем с приветствия. Денис.

Мужчина поставил воду на тумбу и протянул сухую тёплую ладонь.

— Яков. Там, на новом месте, пандус вам приготовил. Только не грузите подиум к задним дверям, его сегодня собирать не будем. И не ставьте на него тумбы, панель продавите.

Филипп кивнул. Денис спросил, кто будет принимать второй рейс. Яков сказал, что к тому времени вернётся, но лучше звонить заранее: после обеда ему нужно ещё в два места.

Павел вынес из кабинета лист с перечнем. Яков взял карандаш, вычеркнул одну строчку и вписал другую. Они поспорили о четырёх стойках; оказалось, две принадлежат поставщику, а две давно куплены, но выглядят совершенно одинаково. Денис не вмешивался. Он слишком хорошо знал, что самая дорогая часть одинаковых вещей находится в головах владельцев.

Когда спор закончился, Денис сфотографировал перечень вместе с карандашными поправками. При расчёте ему часто объясняли, что лишний предмет был в первоначальной договорённости. Фотография помогала не спорить по памяти.

К половине двенадцатого кузов для первого рейса был заполнен. Валерия вышла на крыльцо с папкой, придержала дверь плечом и попросила подождать. Из конторы донёсся телефонный звонок. Павел, уже спускавшийся следом, вернулся наверх.

— Это ещё сюда? — спросил Филипп, показывая на оранжевый пластиковый контейнер у двери.

— В первый, — ответила Валерия. — В нём крепёж. Только крышку проверьте, одна защёлка сломана.

Яков присел возле контейнера, прижал крышку коленом и обмотал его широкой прозрачной лентой. На боку под старым следом клея чернело «М-12». Он провёл ладонью по ленте и сказал:

— Теперь и сломанная держит.

— До первой остановки, — возразил Филипп.

Яков подёргал крышку, показал, что она не двигается. Филипп всё равно взял контейнер снизу. На колёсиках его не повёз: левое заднее заедало, волочилось по полу. Они вдвоём подняли ящик в кузов и поставили к правому борту, впереди остальных вещей. Денис подал ремень. Работа была закончена так, как он любил: ничего не требовалось придерживать телом и просить водителя ехать осторожнее обычного.

Перед тем как закрыть двери, он сделал на телефон два снимка загруженного кузова: будет что показать следующему клиенту, если начнёт спрашивать об укладке. На одном кадре были видны ремни, столешницы и край оранжевого ящика. Содержимое закрытых вещей он не фотографировал.

Павел снова появился на крыльце. Лицо у него изменилось — не испуг, скорее досада человека, которому позвонили с ответом на уже решённый вопрос.

— Первый адрес у вас есть? Поезжайте. Яков впереди покажет въезд.

— А расчёт у кого?

— У меня. После второго.

— Это я слышал. Просто когда люди уезжают в разные стороны, деньги иногда тоже выбирают дорогу.

Павел посмотрел на него внимательнее, чем требовала шутка.

— Будет вам расчёт, Денис. Не беспокойтесь раньше времени.

* * *

На новом месте пахло свежей краской и сырым деревом. Помещение находилось в глубине двора; въезд оказался шире, чем Денис ожидал, зато пандус был коротким и лежал под таким углом, словно его хотели поскорее вернуть хозяину. Филипп молча переставил нижние

опоры. Яков начал было объяснять, как вчера провозили оборудование, но, увидев, что они справляются без его рассказа, принёс изнутри ещё один брусок.

Разгружались долго. Пришлось дважды переставлять столы, потому что в углу, предназначенном для архива, собирались монтировать раковину. Денис напомнил, что перестановка внутри помещения не входила в первоначальный расчёт. Павла здесь не было; Яков ответил, что запишет дополнительные сорок минут.

— Запишите час. Мы ещё обратно за водой пойдём.

— За какой водой?

Денис показал пустую бутылку. Яков фыркнул, протянул ему свою, нетронутую.

Пока Филипп отвязывал последние ремни, Денис вышел во двор ответить Инге. Она спрашивала, будет ли он к семи: Лев обещал заехать, впервые за две недели без работы в руках. Денис сказал, что будет, и пообещал купить мясо.

— Нам не обязательно мясо, — ответила она.

— Я знаю. Но иногда можно.

— Иногда можно вовремя.

Он хотел пошутить про дорогой сорт пунктуальности, но услышал по голосу, что она ещё на работе, рядом люди и шутка потребует от неё сил. Сказал, что понял.

На экране после разговора осталось сообщение Стаса: «Сегодня до шести. Ты сам сказал». Денис сунул телефон в карман.

Триста тысяч были не новым долгом. Половину он брал на ремонт фургона, остальное — чтобы закрыть два платежа, о которых Инге сообщил уже после. Тогда казалось, что крупный заказ всё поправит. Заказ действительно был, только оплачивали его частями, а потом фирма сменила владельца, и Денису вежливо предложили прислать документы ещё раз. Он присылал. Документы перемещались значительно лучше денег.

Фургон можно было продать. Стас предлагал даже покупателя: денег хватило бы на долг и немного осталось. Денис отказался, не съездив посмотреть, что за человек. Представил, как отдаёт ключи, а потом каждое утро спрашивает у другого водителя, куда сегодня ехать, и решил, что найдёт выход поумнее.

Оранжевый контейнер уже стоял открытым возле стены. Яков и худой парень в рабочем халате раскладывали крепёж по небольшим ячейкам. Пустые пакеты сыпались в мешок. Филипп вытащил из контейнера последнюю металлическую планку, передал парню и хлопнул ладонью по дну.

— Всё. Тару здесь оставляем?

— Пока здесь, — ответил Яков. — Не увозите случайно. Она ещё нужна.

Денис взглянул на часы. Если не застрять обратно, к трём они могли начать второй рейс. Он помог Филиппу собрать ремни и вынес их к машине.

* * *

В старом офисе стало просторнее, и от этого казалось, что работы прибавилось. Всё оставшееся, прежде скрытое за столами, теперь требовало отдельного решения. В коридоре лежал линолеум, скрученный в тяжёлый кривой рулон. Возле него стояли три коробки без ленты. Павел разговаривал по телефону у окна; Валерии уже не было.

Денис остановился в дверях кабинета. Сейф рядом с письменным столом был открыт. Он заметил не деньги, а дверцу, выдвинутую прямо в проход, и подумал, что когда-нибудь её обязательно снесут коленом. Потом взгляд упал на нижнюю полку.

Там лежали две пачки пятитысячных, стянутые бумажными полосами.

Вид денег оказался менее торжественным, чем он мог бы представить. Две кирпичины, чуть неровные, с загнутым уголком верхней купюры. Рядом валялся чёрный зажим для бумаги. Вся полка была покрыта пылью, кроме светлых прямоугольников под вещами.

Павел обернулся, заметил его и прикрыл телефон ладонью.

— Коробки возле линолеума пока не берите. Сейчас разберёмся.

— А тумбы?

— С зелёной лентой. Я же сказал.

Денис отступил. Павел повернулся к окну и продолжил разговор. Филипп был в соседней комнате, откручивал ручки с широкой тумбы, которая иначе не проходила. Денис сел на корточки помочь ему и услышал, как хозяин произнёс: «Нет. После того, что выяснилось, я туда больше не вкладываюсь». Потом дверь кабинета закрылась.

Деньги остались в голове вместе с расположением дверцы. Он принялся за вторую ручку, но винт никак не попадал в отвёртку. Филипп забрал инструмент, показал, что Денис держит его под углом, и отвернулся к своей стороне.

Было неприятно оттого, что мысль пришла без усилия. Не пришлось уговаривать себя вспомнить долг. Достаточно было увидеть ровную стопку купюр, чтобы Стас, новый двигатель и лицо Инги за ужином соединились в один простой выход.

Он мог встать, вынести тумбу и вечером позвонить человеку, готовому купить фургон. Знал это так же ясно, как знал, где оставил ключи. От этого мысли о деньгах сделались не слабее, а сердитее: выход существовал, только предлагал ему совсем не ту жизнь, которую он хотел.

Павел вышел из кабинета с двумя папками.

— Филипп, помоги мне на минуту. Там в кладовой верхнюю полку надо снять, одному неудобно.

Филипп поднялся. Денис спросил, стоит ли заканчивать тумбу, и Павел кивнул. Они ушли в конец коридора. Дверь кладовой стукнула, но осталась открытой; Денис слышал их голоса и скрип чего-то длинного.

Он снял вторую ручку. Положил оба винта в ладонь, потом пересыпал в карман куртки, чтобы не потерять. Сумка с ремнями стояла у ноги. В ней была боковая часть, куда он обычно бросал документы, перчатки и мелочь, мешавшую в кабине.

Из кладовой позвал Павел:

— погоди, не на себя. Подними край.

Денис встал.

До кабинета было несколько шагов. Он сделал их, держа сумку за короткие ручки, и остановился возле сейфа. Дверца всё так же перегораживала проход. Павел не запер даже кабинет: здесь шёл переезд, люди переносили вещи, и открытая дверь была обычной частью работы.

Денис посмотрел на полку. Ему пришло в голову, что пачки могут быть неполными. Что деньги пересчитаны. Что хозяин сейчас вернётся. Всё это были мысли о том, получится ли, и ни одна не остановила руку.

Он взял первую пачку. Бумажная полоса чуть сдвинулась под пальцем. Положил её в боковой карман сумки, поверх старой накладной, затем взял вторую. Она зацепилась уголком за чёрный зажим. Зажим упал, щёлкнул по металлической полке.

Денис замер.

В кладовой Филипп что-то сказал, Павел рассмеялся. Смех был коротким, вполне довольным. Человек не подозревал, что в нескольких шагах от него изменился день.

Денис застегнул сумку. Поставил зажим обратно — зачем-то на прежнее место, которое теперь обозначало пустоту. Сейф не закрыл. Вернулся к тумбе и опустился на корточки так быстро, что колено ударилось о пол.

Он увидел свои руки. Они были знакомые, с серой полосой под ногтем и маленьким порезом возле большого пальца. Ему казалось, что после такого поступка они должны хотя бы дрожать, но пальцы спокойно разгибались. Он достал из кармана винты, положил их в вынутую ручку и посмотрел на дверь.

Павел вернулся первым. На плече у него лежала белая пыль.

— Подхватим? — спросил он, указывая на тумбу.

Денис хотел ответить, но голос не появился сразу. Пришлось кашлянуть.

— Да. С той стороны возьмите. Там тяжелее.

Павел послушно зашёл с другой стороны. Филипп ещё возился с полкой. Они вдвоём подняли тумбу, прошли в коридор, осторожно повернули возле камеры. На лестнице хозяин попросил остановиться, перехватил неудобный край и усмехнулся:

— Всё-таки хорошо, что я не этим зарабатываю.

— У каждого своя спина, — сказал Денис.

Слова прозвучали так легко, будто он мог дальше говорить ими сколько угодно.

У машины Павел придержал дверцу кузова, пока Денис подтягивал тумбу внутрь. Потом хлопнул ладонью по боку фургона.

— Крепкий ещё. Мой первый такой был. Не продавай, если не совсем прижмёт.

Денис посмотрел на него. Хотелось узнать, сказал ли он это просто так или что-то уже понял. Павел всё ещё разглядывал машину, словно вспоминал свою.

Сумка с деньгами осталась наверху, возле стены, где стояла тумба. Денис поднялся за ней, стараясь идти с обычной скоростью.

Глава 2. Две пачки

Сумка была там, где он её оставил. Никто не расстегнул карман, не положил сверху записку, не стоял возле неё с удивлённым лицом. Денис поднял её и вдруг разозлился на такую лёгкость. Поднял обыкновенную старую сумку, которую Инга уже дважды собиралась выбросить: молния заедала, ручка была обмотана изолентой. Теперь в ней лежало что-то, что должно было придать ей иной вес.

Филипп вышел из кладовой, неся узкую полку.

— Подержи дверь.

Денис прижал сумку локтем и отворил дверь. Полка прошла почти вплотную к его груди. Филипп поблагодарил и пошёл вниз. Снизу донёсся голос Павла: он напоминал, что на повороте торчит труба, о которую легко ударить угол.

Он спускался по лестнице и думал, что ещё может вернуться. Сказать, что увидел деньги, испугался за них и убрал к себе, чтобы никто не взял. Объяснение было такое плохое, что ему стало почти смешно. Если бы Павел принял его, Денис счёл бы хозяина дураком. Получалось, он надеялся на человеческую глупость уже через несколько минут после кражи.

Возле фургона Павел и Филипп обсуждали треснувший щит. Павел велел оставить его наверху: завтра приедет человек, посмотрит, можно ли обрезать угол. Второй, целый, уже стоял на новом месте.

— Остальное забрали? — спросил хозяин.

— Кроме ваших коробок без ленты, — ответил Денис.

— Их сам переберу. Кресло, сейф, мой стол тоже остаются до понедельника. Там ещё надо закончить дела. Всё за один день не вывезти.

Павел прищурился на кузов. Вещей было меньше, чем в первом рейсе; между тумбами оставалось достаточно пространства, чтобы пролезть человеку. Денис затянул последний ремень и поднял с пола забытую деревянную прокладку.

— Яков вас встретит, — сказал Павел. — Позвоните, когда закончите. Или лучше сфотографируйте. Он мне потом расскажет, что всё аккуратно поставил сам.

— А деньги тоже сфотографировать? — спросил Денис и сразу пожалел.

Павел засмеялся.

— Не уймётесь никак. Давайте рассчитаемся, чтобы вам ко мне вечером не возвращаться.

Он достал бумажник. Денис смотрел на бумажник и пытался угадать, мог ли хозяин за прошедшие минуты открыть сейф, обнаружить пропажу и теперь вести себя так спокойно. Не мог. Человек, который только что лишился большой суммы, не стал бы по очереди расправлять загнутые уголки тысячных, чтобы платить перевозчикам. Или стал бы. Денис обнаружил, что уже ничего не знает о людях, хотя утром легко определял их по первым двум словам.

— Четырнадцать, — сказал Павел. — С вашим часом на перестановку. Достаточно?

Денис взял деньги.

— Так договаривались.

— Вот и хорошо. Расписку мне на листе напишите, я потом забуду.

Он положил на капот блокнот. Денис написал, что получил четырнадцать тысяч за два рейса и погрузку с разгрузкой, вывел дату — тринадцатое сентября — и свою фамилию. Ручка скользила по дешёвой бумаге. Было странно расписываться в настоящем получении денег, пока украденные лежали на пассажирском сиденье.

Павел вырвал лист, прочитал, сложил пополам. У него на рубашке возле локтя белела пыль от полки. Денис заметил маленький металлический крючок, зацепившийся за манжету, и показал пальцем.

— Тут у вас.

Хозяин снял крючок, повертел, сунул в карман.

— Это мне потом всё по дому собирать. Соня любит: «Что у тебя опять в стиральной машине?»

Он сказал это голосом человека, которому привычная домашняя претензия в данный момент кажется приятной. Денис хотел спросить, не помочь ли убрать стол в кабинете, но понял, что ищет только повод вернуться к сейфу. Вместо этого пожелал хорошего дня.

— И вам, — ответил Павел. — Работы ещё будет. Если нормально управитесь, я ваш номер сохраняю.

Филипп сел в кабину. Денис положил сумку ближе к своей ноге, завёл мотор и долго не мог попасть рычагом в передачу. Павел стоял у крыльца, не уходил. Когда машина наконец тронулась, он поднял ладонь.

До перекрёстка Филипп молчал. Потом спросил:

— Ты заболел?

— С чего?

— Молчишь.

— А когда говорю, тебе мешает.

— Не всегда.

Денис открыл окно. Снаружи пахло тёплым асфальтом и хлебом из магазина. Он вспомнил про ужин и испытал настоящую, почти радостную мысль: сегодня можно будет купить всё, что захочется. Тут же мысленно поправил себя. Всё — нельзя. И не потому, что мало денег. Просто нельзя было внезапно стать человеком, который покупает всё.

На новом месте Яков торопился. По телефону он объяснял кому-то, что документы надо привозить сразу, а не после приезда машины. Увидев их, показал на свободную часть помещения. Пришлось ждать, пока он закончит разговор, потому что две тумбы не проходили между коробками.

— Это временно здесь, — сказал он, вернувшись. — К стене ставьте.

— Какая стена у нас сегодня окончательная? — спросил Денис.

Яков посмотрел на него, понял и отодвинул две коробки сам. Денис почувствовал, что привычная речь возвращается. Слова находились, шутки получались. Он был всё тем же человеком, только должен был следить за сумкой.

Филипп нёс вещи с обычной сосредоточенностью. Последнюю тумбу они поставили на картон, проверили, не качается ли, затем Денис сфотографировал ряд мебели и отправил Павлу. Почти сразу пришло: «Принял. Спасибо». Следом хозяин спросил, где ручки. Денис приложил снимок пакета, приклеенного к внутренней стороне ящика.

Они получили свою благодарность и могли уехать.

— Контейнер назад брать? — спросил Филипп.

Яков махнул рукой.

— Не надо. Я говорил, оставьте. Там колесо надо посмотреть, на нём недолго грохнуться.

Оранжевый ящик стоял у стены. Крышку положили рядом, прозрачная лента свисала с её края. Денис не стал записывать, что оставил тару по указанию Якова. Для этого не было причины: он перевозил вещи, а не принимал их на хранение. Филипп забрал бутылку с остатком воды, и они вышли.

У машины Яков спросил, доволен ли Павел расчётом. Денис сказал, что всё в порядке.

— Он у нас любит сначала обещать, потом считать. Не обижайтесь, если что.

— Уже посчитали.

— Ну и отлично.

Яков забрал с переднего сиденья своей машины папку и вернулся в помещение. Денис посмотрел ему вслед без всякой особой мысли, потому что в этот момент Филипп напомнил про свои пять тысяч.

Денис достал заработанные деньги, отсчитал и отдал. Филипп убрал их в отдельное отделение бумажника. Не пересчитал сразу, чем неожиданно задел Дениса.

— Проверь хоть.

— Ты считал.

— Люди ошибаются.

Филипп достал деньги обратно и проверил. Их было пять тысяч. Он показал Денису веером, словно доказывал, что не зря доверился, и снова убрал.

* * *

Высадив Филиппа возле остановки, Денис проехал ещё несколько кварталов. Ехать домой было рано, к Стасу — страшно. Он остановился у ряда гаражей, где прежде брал напрокат лестницу, и некоторое время сидел, не выключая двигатель.

Здесь не было красивого уединения. Из бокса неподалёку доносился звук шлифовки, во дворе двое мужчин пытались понять, чья старая крышка лежит поперёк проезда. Один показывал рукой на соседний ряд, второй отрицал связь со всеми крышками на свете. Обычное место, где никто не должен был обратить внимание на фургон, который остановился на несколько минут.

Денис заглушил мотор. Достал сумку и положил на колени.

Теперь можно было по-настоящему увидеть, что он взял.

Обе пачки были пяти тысячными. Купюры разной свежести; одна с загнутым уголком, другая с маленькой жирной точкой на светлом поле. Он снял бумажную полосу с первой пачки, принялся считать и сбился уже после двадцати. Пересчитал сначала, по десять, прижимая готовые десятки краем блокнота. В кабине стало жарко. На сороковой купюре он поднял глаза: один из споривших мужчин подошёл к своей машине, но даже не взглянул в его сторону.

В первой пачке оказалось сто. Во второй тоже сто.

Денис умножил в уме, хотя прекрасно знал результат. Миллион. Не примерно, не «на вид много». Один миллион рублей, который помещался в двух руках и делал его беды на минуту похожими на чужие.

Он не почувствовал того ужаса, которого ожидал. Сначала пришло облегчение. Триста тысяч Стасу — и телефон снова можно брать в руки. Остальное оставить, пока не придут деньги за давний заказ; фургон не продавать, дома больше не оправдываться, сыну помочь. План складывался мгновенно, словно его давно подготовили и ждали только суммы.

Потом Денис подумал о Павле. О его рубашке в пыли, о крючке на манжете, о словах «номер сохраняю». Если бы хозяин был неприятнее, легче бы не стало: это Денис понимал. Но всё равно поймал себя на том, что перебирает мелкие претензии к нему — задержки, распоряжения, лишнюю перестановку — и пытается найти хоть одну, за которую имело бы смысл забрать миллион.

Не нашёл.

Он сложил деньги обратно, оставив шесть десятков купюр отдельно. Пересчитал их ещё раз. Триста тысяч. В оставшихся ста сорока было семьсот. Бумажные полосы он не выбросил: обе, смятые, сунул в карман сумки рядом со старыми чеками.

Позвонил Стасу.

Тот ответил сразу.

— Ну?

— Я привезу.

В трубке стало тихо.

— Сколько?

— Всё. Ты дома?

Стас помолчал, будто проверял, не последует ли привычное «но».

— У сестры. Могу через полчаса быть.

— Я подъеду.

— Денис, если это опять...

— Не опять. Привезу.

Он отключился и понял, что сказал это с раздражением. Стас ждал свои деньги три месяца, а Денис уже успел обидеться на недостаточную веру.

* * *

Стас жил в доме, где лифт всегда пах детской кашей. Денис не мог понять, откуда берётся этот запах, и всякий раз вспоминал больницу, в которой когда-то лежал Лев. Сегодня к запаху добавилась краска: на стене кабины свежим серым квадратом закрыли старую надпись, но нижняя часть последнего слова торчала наружу.

Стас открыл в футболке, с полотенцем на плече.

— Я только из душа. Проходи.

Денис остался у двери.

— Мне бы быстро.

— Быстро ты у меня брал.

Он сказал это без злобы. Отступил, пропуская. На кухне в открытой сумке лежали маленькие коробки из-под лекарств, из комнаты доносилось радио. Денис раньше не видел эту сумку и спросил, кто болеет.

— Мать. Сестра привезла на неделю. Я тебе говорил.

Денис не помнил. Может, Стас говорил в одном из тех разговоров, в которых он слышал только требование вернуть долг. Он достал деньги и положил на край стола.

Стас сразу перестал объяснять про мать. Посмотрел на купюры, затем на Дениса.

— Всё?

— Триста. Пересчитай.

Стас сел. Пересчитывал медленно, без удовольствия и без той торжественности, которую Денис заранее представлял. На третьем десятке из комнаты позвали. Стас ответил, что сейчас придёт, переложил готовую часть под солонку и досчитал остальное.

— Откуда?

Денис ожидал вопроса и всё равно ощутил, как потеет спина.

— За заказ рассчитались.

— Тот, который с весны?

— Угу.

— Наличными?

— Им так удобнее.

Стас поморщился.

— А тебе, конечно, никогда ничего не удобнее. Ладно. Подожди, бумагу принесу.

Он ушёл. Денис остался возле стола. В дверях комнаты показалась невысокая женщина с серыми волосами. Она опиралась на трость и смотрела на гостя так, будто пыталась вспомнить, кто именно из знакомых сына приходил к ней раньше.

— Здравствуйте, — сказал Денис.

— Здравствуйте. Вы к Стасику?

— Да. Уже ухожу.

— Чаю-то выпейте. Он всё бегом.

Стас вернулся с конвертом.

— Мам, мы сами. Ты сядь, я принесу.

— Я могу сама налить.

— Можешь. Но давай я.

Он не повысил голоса и не отобрал у неё трость. Подвинул стул так, чтобы ей было удобнее сесть, потом положил перед Денисом старую расписку. Денис узнал свой почерк, дату и торопливую подпись. Внизу Стас написал, что получил всю сумму, претензий по возврату займа не имеет, поставил число и расписался.

— Проверь.

Денис проверил. Потребовал бы он это раньше, Стас мог бы обидеться; теперь сам подвинул лист ближе к свету.

— Здесь не двести? — спросила мать, глядя на деньги.

— Триста, мам.

— А мне показалось. Глаза уже совсем.

Стас убрал купюры в конверт. Для него долг закончился. Он начал спрашивать о фургоне, о том, не нашли ли заказ на следующую неделю, и Денис вдруг услышал прежнего знакомого — человека, с которым можно было говорить, не считая каждую паузу приближением к неприятному вопросу.

Захотелось остаться. Выпить чай, обсудить работу, рассказать о манекене в окне. Самая приятная часть кражи оказалась здесь, на чужой кухне: ему снова говорили обыкновенные слова.

Он всё-таки отказался от чая. Сослался на сына, которого давно не видел. Мать Стаса попросила передать сыну привет, хотя никогда его не встречала. Стас проводил Дениса до двери.

— Слушай, я бы ещё подождал, если совсем...

— Всё нормально.

— Я вчера резко написал. Мать привезли, денег надо было, я на всех злой. Не только на тебя.

Денис посмотрел на него. Ему захотелось разозлиться в ответ: почему Стас не сказал этого вчера? Почему предложил снисхождение теперь, когда оно уже не могло ничего изменить? Но Стас не обязан был угадывать, что он собирается сделать ради возвращения обычного разговора.

— Я обещал, — сказал Денис. — Ты свои спрашивал.

Он вышел на лестницу с распиской в руке. В лифте развернул её ещё раз. Подлинная бумага о подлинном погашении долга. Можно было показать Инге, положить в папку, перестать вздрагивать от имени Стаса на экране.

Денис аккуратно сложил лист. Внизу, возле почтовых ящиков, остановился и несколько секунд слушал, как в подъезде кто-то смеётся. Потом вышел к машине и поехал покупать ужин на свои девять тысяч.

Глава 3. Покупки к ужину

Денис выбрал кусок мяса, который прежде попросил бы разрезать пополам.

Продавщица положила его на весы. Цифры замерли, она назвала сумму и потянулась к ножу. Денису показалось, что она заранее знает, о чём он попросит.

— Целиком, — сказал Денис.

— Так я и не режу. Я плёнку сниму.

Он отступил от прилавка. В маленьком магазине недалеко от дома его знали по лицу, и Денису хотелось выглядеть человеком, который всегда покупает именно столько. Продавщица завернула мясо и занялась следующей покупательницей, не заметив перемены в его возможностях.

Он добавил помидоров, хотя Инга обычно говорила, что осенью они должны дешеветь, а не становиться украшением стола. Взял пирожные — те самые, которые Лев перестал любить лет пять назад, а родители продолжали считать его любимыми. Перед кассой заметил кофе по акции и вернулся за большой пачкой.

Список в телефоне был короткий: хлеб, мясо, зелень. Он выполнил его с таким избытком, словно можно было наконец получить отметку за всю предыдущую неделю.

Семьсот тысяч лежали в машине. Денис оставил сумку под своим сиденьем, затолкнув дальше обычного, и всё время смотрел на стеклянную дверь магазина. На покупку еды он отсчитывал тысячные, полученные от Павла за работу. Когда кассирша попросила помельче, он с облегчением показал пустое отделение бумажника. Не было мелких. Не было и никаких иных денег, которыми он мог здесь заплатить.

У подъезда он сделал два подхода: сначала продукты, потом сумку. Инга открыла сама. На ней был домашний кардиган, застёгнутый не на ту пуговицу, волосы зажаты большой заколкой. Она разговаривала по телефону и показывала Денису ладонью: не шуми.

— Светлана, он может прийти во вторник. Я записала. Да, в группу к Марине Олеговне... Нет, два пропущенных занятия нельзя прибавить к одному следующему, ребёнок же не аккумулятор.

Денис замер с пакетами. Инга закрыла глаза и выслушала возражение насчёт аккумулятора.

— Простите. Я неудачно сказала. Давайте во вторник, а дальше решим с преподавателем.

Она закончила разговор, посмотрела на пакеты и спросила:

— Мы теперь ресторан?

— Сегодня принимаем только по записи.

— Я как раз записалась на ванну и тишину.

Он поцеловал её в висок. Она позволила, потом забрала пакет, в котором опасно переворачивалась коробка с пирожными.

— Лев без сладкого, — сказала она. — У него лицо от него.

— Двадцать лет у него лицо от всего.

— Не говори ему так.

Денис снял обувь. Сумку поставил в нижнюю часть встроенного шкафа, за пластиковый ящик с проводами, где обычно держал запасные ремни. Дверца закрылась не с первого раза: торчала ручка. Он наклонился, поправил, почувствовал, как неприятно горячо стало за воротником.

Инга уже разбирала продукты и не смотрела на него.

— Удачно съездил?

— Нормально. Два рейса, полторы квартиры по лестнице. Хозяин не жадный.

— Это новый?

— Да. Может, ещё позовёт.

Он вымыл руки, вытер их полотенцем с выцветшими грушами. Ничто дома не изменилось. Пятно на потолке над холодильником, которое он обещал закрасить, было на месте; дверца под раковиной всё так же провисала. Из комнаты доносилась музыка — Инга включала радио, когда оставалась одна, а потом забывала выключить. Денису захотелось сейчас же достать отвёртку и заняться дверцей.

— Стасу вернул, — сказал он.

Инга перестала вынимать помидоры.

— Сколько?

— Всё.

Она не повернулась. Продолжала держать пакет за два уголка, чтобы не высыпать оставшиеся помидоры.

— Сегодняшний переезд столько стоит?

— Старый заказ оплатили. Я же говорил, обещали на неделе.

Он говорил ей другое: что заказчик не отвечает, что надо ехать лично, что осенью пойдут деньги. Из всех этих слов сейчас можно было сложить и обещание на неделе. Денис сам услышал, как удобно оно получилось.

— Триста?

— Да. Вот расписка.

Он достал её, положил на стол между хлебом и кофе. Инга вытерла руки, развернула лист. Прочитала не только нижнюю приписку, но и всё, что Денис написал, когда брал деньги. Задержалась на дате.

— Они тебе на счёт перевели?

— Наличными отдали.

— Денис.

— Я разобрался. Всё нормально.

Она подняла глаза. Он знал этот взгляд: Инга искала, на какой именно части рассказа ей придётся остановиться и переспросить. Обычно он помогал ей, добавляя лишнюю подробность. Сегодня промолчал.

Инга ещё раз посмотрела на подпись Стаса и положила лист на холодильник, прижав магнитом с морем.

— Хорошо, — сказала она.

Всего одно слово. Оно прозвучало так тихо, что Денису захотелось повторить новость громче, добиться радости, объятия, чего-нибудь, чем можно было бы объяснить самому себе сегодняшнюю лёгкость рук. Но Инга только выдохнула и стала освобождать раковину для зелени.

— Мясо режь сам. Только не на этой доске, я на ней лук.

Он послушно достал другую.

* * *

Телефон зазвонил в восемнадцать двенадцать. Денис заметил время потому, что экран лежал возле духовки, часы которой давно спешили. Он как раз собирался установить таймер и подумал, что надо бы наконец их поправить.

На экране было: «Павел, переезд».

Денис взял телефон мокрой рукой. Прежде чем ответить, вытер большой палец о футболку. Инга обернулась к нему, держа над дуршлагом пучок зелени.

— По работе, — сказал он и вышел на лоджию.

Дверь пришлось потянуть на себя: внизу зацепилась полоска коврика. Денис поправил её носком, закрыл дверь и только тогда ответил.

— Да, Павел Андреевич.

— Денис, вы ещё в городе?

— Дома уже.

— Ясно. Мне надо спросить. Вы за своей сумкой возвращались, когда мы внизу были?

Денис посмотрел на двор. Под окном девочка держала велосипед, а мужчина пытался прикрутить к рулю маленький фонарь. Велосипед всё время поворачивался, и они сердились друг на друга по очереди.

— Забирал. Я её оставил, пока тумбу несли.

— Да, я помню. Вы к сейфу подходили?

— Нет.

Он ответил слишком быстро и услышал это. Захотелось добавить, что не заметил сейфа, но было поздно: Павел видел, как он работал рядом.

— У меня внизу лежали две пачки, — сказал Павел. — Пятитысячные. Миллион. Сейчас их нет.

Денис прижал телефон к уху. За стеклом Инга ставила на стол тарелки. Одну из них она подняла к свету, заметила след воды и снова отнесла к раковине.

— Я не брал, — сказал он.

— Я пока спрашиваю, подходили ли вы.

— Не подходил.

Павел помолчал. На его стороне щёлкнуло что-то твёрдое, как если бы на стол положили ручку. Денис не знал, что это было, но сразу представил сейф: хозяин сидит перед ним и смотрит на пустую полку.

— Там был ещё ваш парень.

— Филипп со мной всё время.

Это была новая ложь. Не очень большая, если считать временем. Филипп то уходил за ремнём, то оставался у машины, то спускался с полкой. Но Денис произнёс её таким уверенным рабочим тоном, каким обещал заказчикам, что мебель не поцарапается.

— Со мной он тоже был, — сказал Павел. — Поэтому я и звоню вам. Я не хочу сейчас поднимать лишний шум. Посмотрите у себя. Может, убрали вместе с чем-то.

Денис понял, что ему предлагают объяснение. Нелепое, почти такое же, какое он придумал на лестнице. Можно было ухватиться за него: сказать, что посмотрит, перезвонит, привезёт. Семьсот тысяч были в прихожей. Триста — у Стаса, который, возможно, ещё не успел ничего потратить. Ему пришлось бы признаться обоим, взять деньги обратно, вывернуть перед всеми остаток своего достоинства. Но Павел был жив и разговаривал с ним. Это ещё не стало ничем другим.

— У меня ваши вещи только на фотографиях, — сказал Денис. — Мы всё выгрузили. Можете Якова спросить.

— Я спрошу.

Денис хотел извиниться за резкость, но услышал уже другой голос Павла — сухой, лишившийся утренней готовности смеяться.

— Деньги были мои, Денис. Я знаю, сколько там было. И я выясню, куда они делись.

— Я понимаю.

— Хорошо.

Связь оборвалась.

Денис не сразу опустил телефон. Велосипед внизу наконец перестал поворачиваться: мужчина поставил его передним колесом между колен. Девочка ждала, привалившись к машине. Всё у них оказалось решаемым, надо было только иначе держать.

Он открыл список звонков. Павел был сверху. Денис нажал на строку, затем вышел обратно, ничего не меняя. Удалить звонок означало бы совершить ещё одно действие, о котором потом придётся думать. Он убрал телефон в карман.

На кухне Инга спросила:

— Опять куда-то ехать?

— Нет. Ручки от тумбы искал.

— Ты же ему фотографировал.

Денис замер. Он успел рассказать ей о ручках, пока резал мясо, и уже забыл об этом.

— Он пакет не заметил. Приклеили изнутри.

Инга кивнула. Не потому, что проверила. Потому, что ручки тумбы не были тем, во что ей хотелось вникать в субботу вечером.

Денис взял нож. На доске лежал один нерезанный помидор. Он разрезал его, потом половинки, потом увидел, что нарезал слишком мелко, почти в кашу.

— Оставь, — сказала Инга. — Дальше я.

* * *

Лев пришёл с небольшой коробкой, на которой было напечатано чужое имя. Денис решил, что сын перепутал доставку, и уже начал шутить, но Лев показал на обратную сторону: коробку выдали на работе под обрезки бумаги.

— Маме. Она просила.

— Я просила несколько листов, — сказала Инга.

— Несколько там сверху.

Внутри лежала стопка плотных цветных полос. Инга взяла одну, попробовала согнуть, посмотрела на просвет. Она собиралась делать карточки для преподавательских столов: родители путали аудитории, а обычная бумага быстро загибалась. Денис видел, что ей приятен не столько картон, сколько то, что Лев запомнил её просьбу.

Сын снял куртку и повесил на тот крючок, которым пользовался школьником. Нижний крючок был свободен, верхний занял Денис. Лев сдвинул отцовскую куртку, не спросив, и Денис почему-то обрадовался этой небольшой бесцеремонности. Дома сын ещё умел не быть гостем.

За ужином Лев рассказал о заказчице, которая хотела распечатать белые буквы на белой бумаге, чтобы «получилось нежно». Инга спросила, не рельефную ли печать та имела в виду. Лев вздохнул: конечно, рельефную, только за цену обычной.

— Мы ей предложили ничего не печатать. Самый нежный вариант.

Денис потянулся за телефоном, чтобы показать сыну сегодняшнего манекена, потом вспомнил, что не снимал его. Пришлось рассказывать, как Павел примерял кепку. Лев спросил, забрали ли манекен на новое место или оставили за старшего, и Инга, пившая воду, едва успела отставить стакан.

Некоторое время всё получалось. Мясо не пересохло. Инга не стала говорить о родителях, которые писали ей по выходным. Лев показал фотографию нелепого стула, купленного соседом по квартире: тот оказался слишком высоким для стола, и теперь сосед ел, сложившись пополам. Денис предложил подпилить ножки. Лев сказал, что тогда стул перестанет выглядеть дизайнерским.

— Зато твой сосед перестанет выглядеть сломанным, — сказал Денис.

— Ему нравится страдать красиво.

Лев подцепил вилкой кусок мяса, подумал и спросил, можно ли на следующей неделе помочь перевезти маленький стол. Не себе: девушке с работы, она меняла комнату. Денис сразу согласился.

- Во вторник?
- Я ещё не знаю.
- В любой день. Позвонишь.

Инга подняла глаза. Денис понял, что снова пообещал время, которого ещё не проверял. Но сын уже поблагодарил, и отступить не хотелось.

Телефон лежал экраном вниз возле хлебницы. Он не звонил. От этого Денису становилось хуже: Павел мог передумать, мог вспомнить, кому отдал деньги, мог прямо сейчас разговаривать с полицией. Денис отвечал сыну и мысленно перебирал эти возможности. В каждой был человек, сидевший за оставленным столом, и Денис пытался угадать, куда повернётся его следующая мысль.

- Пап, ты слышал?
- Конечно.
- И?

Он посмотрел на Льва.

- Что?
- Я спросил, ты в воскресенье работаешь?
- Нет. Завтра нет.
- Тогда я оставлю тебе крепление от своего кресла. Там резьба. Посмотришь?
- Посмотрю.

Лев хотел принести крепление из прихожей, но Инга остановила: за столом не ремонтируют. Денис привычно возразил, что за этим столом уже чего только не делали. Она показала вилок на еду, и он замолчал. Хорошая, маленькая семейная ссора могла начаться и закончиться здесь за несколько секунд; Денис чувствовал её возможное тепло и не мог в него попасть.

Пирожные всё-таки съели. Лев сказал, что от одного ничего не будет, а второе взял, потому что первое оказалось маленьким. Когда стали убирать со стола, Инга показала Денису каплю, которая набухала под кухонным краном даже при закрытой воде.

Он полез за инструментами. Подходящая прокладка нашлась в жестяной коробке со всякой мелочью. Денис перекрыл воду, разобрал соединение и попросил Льва посветить телефоном. Сын сначала направил луч ему прямо в глаза, потом поправился. Минут десять они стояли над раковиной, мешая Инге пройти к сушилке; она обошла их, демонстративно прижав к груди стопку тарелок. Денис завернул соединение, открыл воду. Капля больше не появлялась.

- С креслом бы так, — сказал Лев.
- Там тоже прокладку между тобой и сиденьем поменять?

Сын убрал телефон и вытер мокрый край раковины. Денис сложил инструменты. Инга стала упаковывать Льву оставшееся мясо, а он проводил сына в прихожую.

- Деньги нужны? — спросил он.
- Лев уже надевал куртку.
- На что?
- Мало ли. Комната, всё это.
- У меня нормально.
- Я не проверяю. Если надо...
- Пап, не надо.

Сын сказал это без раздражения. Поправил воротник, достал из кармана маленький пакет с деталями кресла и положил на тумбочку. Денис увидел, что пакет касается дверцы шкафа, за которой лежала сумка, и почувствовал нелепое желание отодвинуть его.

- Вот это надо, — сказал Лев. — Остальное пока работает.

Инга принесла еду. Сын обнял её, неловко обнял отца, ушёл. Денис стоял у закрытой двери и слушал, как загудел лифт.

— Ты сегодня щедрый, — сказала Инга.

Он повернулся.

— Плохо?

— Странно.

Она подняла пакет с деталями кресла и отнесла в комнату. Денис вернулся на кухню, сложил тарелки в раковину. Телефон всё ещё молчал.

Позже, когда Инга легла, он открыл шкаф. Вынул сумку, проверил застёжку, хотя утром она уже заедала и от его внимания исправиться не могла. Достал деньги. Сто сорок купюр были на месте. Он положил их в плотный конверт из-под старых документов, подписывать не стал. Конверт убрал обратно в сумку, бумажные полосы оставил в её маленьком кармане.

Из спальни спросили, что он делает.

— Ключ ищу. Маленький, под кресло.

— Завтра найдёшь. Выключай свет.

Он послушался. В темноте добрался до кровати, лёг осторожно, чтобы не потревожить Ингу. Она уже повернулась к стене.

Денис хотел дождаться её ровного дыхания и позвонить Павлу. Не вернуть — пока просто выяснить, что тот думает. Может быть, сказать, что нашёл какую-то сумму в коробке. Начать с чего-то, после чего можно будет говорить дальше.

Он лежал с телефоном в руке, пока экран не погас. Потом решил, что ночью звонить странно. Утром будет легче придумать слова.

Глава 4. Воскресный ключ

Софья проснулась оттого, что кто-то трижды позвонил в дверь. Не настойчиво: человек снаружи делал большие промежутки, давая ей время подняться, и от этого было ещё неприятнее. Она заснула на коротком диване в своей мастерской, под сложенным вдвое куском плотной ткани. Утром шея не поворачивалась влево.

За дверью стояла заказчица. Они договорились на десять, сейчас было без восьми. Софья успела пригладить волосы ладонью, но не убрать со стола стакан с остатком растворимого кофе.

— Я раньше, — сказала заказчица.

— Вижу. Проходите.

Это прозвучало сердито. Софья включила свет над столом, хотя из большого окна его и без того хватало, и отодвинула стакан за машинку.

Ночью она закончила два образца штор. Один был именно таким, какой хотела женщина; другой — таким, какой Софья предлагала с самого начала. Теперь предстояло молча повесить их рядом и не испортить победу фразой «я же говорила», если женщина выберет второй.

Женщина выбрала первый.

— Здесь красивее складка, — сказала она, трогая край.

Софья посмотрела ещё раз и неожиданно увидела, что при утреннем свете та права. Вчерашняя лампа делала ткань жёстче, чем она была. К утру Софья совсем забыла, что хотела проверить образцы при дневном свете.

Они обсудили длину, сроки и подкладку. Заказчица спросила, почему на одном образце маленькая метка из синей нитки. Софья объяснила, что это изнаночная сторона, чтобы потом не перепутать. Женщина закивала с уважением к тому, что в простой вещи существует сторона, которую надо специально обозначить.

Когда дверь за ней закрылась, Софья проверила телефон. Павел так и не ответил на вечернее сообщение.

«Я остаюсь здесь. Завтра утром человек за образцами. Поешь нормально».

Она отправила его после девяти. До этого муж писал, что задержится в старом офисе и что у него «остались расчёты». Иногда он действительно ночевал там: придвигал к креслу низкую тумбу и утром уверял, будто отлично выспался. Софья знала, что это неправда, потому что в такие дни он держался за поясницу, поднимаясь из машины. Накануне она не стала звонить ещё раз. Они уже поговорили на повышенных тонах из-за склада, который он собрался покупать, не показав ей всех бумаг. Потом Павел сообщил, что покупать не будет. Она ответила: «Хоть это» — и почувствовала себя злой, мелочной женщиной, которая не умеет вовремя порадоваться разумному решению мужа.

Можно было дописать другое. «Хорошо, что разобрался». Или просто спросить, привезти ли ему еды. Вместо этого она до ночи переставляла крючки на образцах, чтобы складка шла правильно, и радовалась, что никто не советует ей сделать быстрее.

Теперь Софья позвонила. Вызов шёл долго. Она представила, как телефон лежит на столе, а Павел в туалете и кричит оттуда, что слышит. Так уже бывало. Она сбросила и написала: «Еду за линейкой. Откроешь?»

Длинную металлическую линейку она оставила в старом офисе ещё в четверг. Проверяла ширину щита, который собиралась забрать для своей работы. Павел обещал привезти и линейку, и щит, потом признался, что у щита трещина, и начал объяснять, почему это не так уж страшно. Софья велела пока ничего не везти. Треснувшие вещи мужа обладали способностью появляться в её помещении навсегда.

Она собрала ключи, убрала образцы в чехлы, погасила свет. Диван накрыла тканью ровнее, будто за ней могли прийти и проверить, как она спала.

* * *

Снаружи старый офис выглядел почти закрытым. Вывеску ещё не сняли, но под ней остались светлые прямоугольники от убранных табличек. Внизу, у двери, лежала обрезанная пластовиковая стяжка. Софья переступила через неё, потом вернулась и подняла: Павел вечно говорил, что на таких мелочах люди падают. Бросить было некуда. Она сунула стяжку в наружный карман сумки.

Ключ в общей двери повернулся с привычным тугим щелчком. На лестнице пахло мокрой тряпкой, хотя пол был сухой. Софья поднялась, позвала мужа ещё из коридора.

Ей не ответили.

На подоконнике стоял манекенный бюст в кепке. Без окружавших его коробок он выглядел торжественно, как портрет начальника. Софья поправила кепку: козырёк сполз на один глаз. Потом открыла вторую дверь своим ключом.

Она увидела сначала ботинок.

Павел лежал за краем стола, и от двери была видна только одна нога. Софья успела рассердиться: опять лёг на пол, опять спина, опять потом скажет, что она зря приехала. Она произнесла его имя тем голосом, которым будила по утрам.

Потом обошла стол.

Несколько секунд она не могла придумать следующего движения. Голова Павла была повернута не к двери, а к стене. На полу возле неё темнело пятно. Рубашку он не сменил со вчерашнего дня; один рукав завернулся у локтя. Софья опустилась рядом, коснулась его плеча и отдернула руку, словно ошиблась человеком.

— Паша.

В кабинете было тихо. На улице проехала машина с дребезжащим кузовом. Софья услышала её слишком отчётливо, будто окно стояло между ней и всем остальным миром, который продолжал работать.

Она достала телефон. Не попала пальцем по экрану, попробовала ещё раз. Набрала сто двенадцать, назвала адрес и сказала, что муж лежит на полу и не отвечает. Сначала женщина в трубке спросила, как к ним попасть. Софья объяснила про двор, лестницу и вторую дверь, удивляясь, что кто-то сейчас нуждается в этих обыкновенных сведениях.

Ей задавали вопросы. Она отвечала, наклонялась, делала то, что ей говорили, и всё время смотрела на рубашку. На ткани возле груди был крошечный кусок прозрачной ленты. Софья знала, как трудно такую ленту снять после стирки, и почти потянулась к ней. Рука остановилась на полпути.

Когда внизу хлопнула дверь и послышались голоса, Софья встала так быстро, что ударилась бедром о край стола. Она вышла встречать людей и начала объяснять им, что Павел иногда оставался здесь ночевать, потому что переезд и дела. Никто пока не спрашивал, почему она не приехала вечером.

Потом её попросили подождать в коридоре.

Она стояла возле манекена. Внутри двигались, переговаривались. Один из приехавших вышел к ней; она увидела его лицо раньше, чем он начал говорить, и попросила:

— Не говорите пока.

Он остановился. Ничего от этой просьбы не изменилось, но он дал ей несколько секунд.

* * *

Софью посадили на стул у окна. Стул принесли из соседнего помещения — свой хозяйка уже вывезли. Ножки были разной длины, и когда она наклонялась вперёд, сиденье слегка качалось. Она поставила обе стопы на пол, чтобы не раскачивать его.

Мужчина, представившийся Евгением Плужниковым, спросил, кому ещё она успела позвонить.

— Никому.

— Родным надо сообщить. Есть кто-то, кто может приехать к вам?

Софья назвала сестру. Плужников подождал, пока она найдёт номер. Сестра ответила весело, на заднем плане шумел фен. Софья сказала: «Паша умер», и сразу поняла, что сказала не всё. Но слово, которым надо было дополнить фразу, пока не принадлежало ей.

Плужников не торопил. Дождался конца разговора, потом вернулся к своим вопросам. Когда Софья последний раз видела мужа. Когда разговаривала. Как они договаривались о сегодняшнем дне. Сколько у неё ключей. Она отвечала и несколько раз повторила, что не входила в кабинет после приезда врачей.

— До их приезда вы к нему подходили?

— Конечно.

— Что трогали?

Софья посмотрела на ладони. Ей показалось, что он обвиняет её в том, что она недостаточно аккуратно нашла своего мужа.

— Его. Я трогала его.

— Мне нужно знать точно, чтобы отделить ваши действия. Это обычный вопрос.

Она рассказала. Про плечо, про телефон, про стол, о который ударилась. Вспомнила кепку на манекене и тоже сказала. Плужников записал, не спросив, зачем ей понадобилось поправлять кепку. За это Софья была ему благодарна.

— У мужа были конфликты в последние дни?

— У всех бывают.

— Какие были у него?

Она начала перечислять людей, которые звонили Павлу по работе, и остановилась на третьем. Любой из них сейчас превращался из неприятного знакомого в возможного убийцу, стоило ей произнести фамилию. Эдуард требовал оплатить поставку. С бухгалтером Валерией Павел ссорился из-за каких-то исправлений. Яков говорил, что на новом месте невозможно начать работу в понедельник, потому что Павел опять всё перенёс. Софья слышала часть этих разговоров, не целиком. Она сказала об этом прежде, чем Плужников успел спросить.

Про Глеба она вспомнила, когда следователь поинтересовался деньгами.

— Он взял займы, — сказала она. — На склад. У Ардашева.

— Сколько?

Софья не знала точной суммы. Павел назвал стоимость покупки, обсуждал, сколько придётся добавить из оборота, потом сказал, что Глеб поможет закрыть разницу. Она устала спорить ещё до того, как разговор дошёл до окончательных цифр.

— Я могу дать номер.

Плужников попросил дать. Потом уточнил, видела ли она деньги сама.

— Нет.

Она вспомнила сообщение «Покупать не буду. Отдам и закончим» и показала его. Плужников попросил не удалять переписку и объяснил, что необходимые сведения оформят. Софья не стала листать дальше. Ниже было её «Хоть это». Она не хотела показывать его, хотя оно уже стояло перед глазами у обоих.

В коридоре появился Яков. У него была куртка в руке и мокрые волосы, будто его выдернули из ванной. Софья поднялась. Он сделал несколько шагов к ней, чуть развёл руки, но остановился и сжал куртку перед собой.

— Соня.

Она смотрела на него. Ей хотелось, чтобы хоть кто-нибудь пришёл сюда уже понимающим, что произошло, и избавил её от необходимости произносить это снова.

— Кто вам позвонил? — спросил Плужников.

— Сотрудница из соседнего кабинета. Увидела машины. Я Павлу набирал, он не отвечает. Что здесь...

Яков не договорил. Плужников отвёл его немного в сторону, попросил представиться и остаться. Софья снова села. Она пыталась расслышать Яковы ответы, но в кабинете передвинули что-то тяжёлое, заговорили громче, и Софья закрыла глаза.

Сестра приехала позже. На ней были разные серьги: Софья заметила это и почему-то начала плакать только тогда. Сестра обняла её, неловко прижав сумкой к подоконнику. Софья уткнулась в плечо и почувствовала запах утреннего шампуня. Оказалось, другие люди сегодня успели вымыть голову.

* * *

Глеб позвонил, когда Софья уже сидела в машине сестры. Его номер не был сохранён, но она узнала голос. Плужников успел с ним связаться; это Глеб сказал сразу, будто объяснял, почему имеет право позвонить.

Сначала он выражал соболезнования. Говорил, что не может поверить, что только позавчера они с Павлом нормально разговаривали. Потом спросил, нашли ли деньги.

Софья посмотрела на сестру. Та сидела за рулём, не заводя двигатель, и ждала, пока Софья скажет, куда ехать.

— Я не знаю, — ответила Софья.

— Там большая сумма, Соня. Восемнадцать миллионов. Это мои деньги, я дал ему на покупку. Всё оформлено.

— Сейчас?

— Что сейчас?

— Вы сейчас хотите об этом поговорить?

Глеб замолчал. Потом сказал, что не хотел так, что надо просто понять, где они. Если она видела сумку или Павел что-то передал домой, следовательно необходимо сообщить.

— Домой он ничего не передавал.

— Хорошо. Я завтра буду в Самаре. Поговорим. Вы не думайте, я не собираюсь...

Она не дослушала. Нажала отбой и сразу почувствовала себя виноватой: человек, может быть, тоже потрясён, тоже говорит не то. Но восемнадцать миллионов уже появились рядом с Павлом, как ещё один предмет, который она должна была опознать.

Сестра спросила, кто это.

— Ему деньги нужны.

— Сейчас?

Софья кивнула. От совпадения слов стало чуть легче. Не она одна услышала нелепость.

— Ко мне? — спросила сестра.

— Домой.

— Я с тобой останусь.

Софья не ответила. Посмотрела на свои руки, потом на сумку. В наружном кармане всё ещё лежала поднятая у входа пластиковая стяжка. Она вынула её, и сестра протянула пустой

пакет из-под салфеток. Софья положила стяжку туда, аккуратно, чтобы не порвать тонкий полиэтилен.

О металлической линейке она вспомнила только у дома. Линейка осталась в кабинете. Она сказала об этом сестре и вдруг с ужасом поняла, что всё ещё собирается когда-нибудь прийти и забрать её.

Глава 5. Восемнадцать

Ключ к креплению кресла нашёлся сразу. Проблема была в резьбе: одну втулку провернуло, и винт теперь бодро вращался, ничего не удерживая. Денис сел за кухонный стол, разложил детали на старой газете и обрадовался, что хотя бы здесь неисправность можно увидеть целиком.

Павлу он не позвонил.

Сначала было слишком рано. Потом Инга ходила рядом, и он ждал, пока уйдёт в магазин. Когда она ушла, звонок стал опаснее: если Павел попросит приехать, придётся куда-то деть деньги, придумать, как вернуть триста тысяч, объяснить отсутствие. Денис решил сначала позвонить Стасу. Открыл его номер, увидел вчерашний вызов и закрыл.

Из окна кухни было видно, как сосед выгуливает маленькую собаку. Собака каждый раз останавливалась у одного куста, а сосед дёргал поводок и делал вид, что очень спешит. Денис знал, что ему некуда спешить: тот часто сидел во дворе до обеда. Сегодня эта бесцельная прогулка показалась недоступной роскошью.

Когда позвонил незнакомый номер, он решил, что это новый заказ.

Мужчина представился сотрудником полиции и спросил, выполнял ли Денис Шатилов вчера перевозку для Павла Веретенникова.

Денис держал отвёртку. Положил её рядом с телефоном, хотя разговаривал без громкой связи.

— Выполнял.

— Нужно, чтобы вы приехали и дали объяснения. Сможете сегодня?

— По какому поводу?

Ему назвали адрес и фамилию следователя, с которым предстояло разговаривать. Денис повторил вопрос.

— Веретенников погиб. Вы были у него вчера, нужно восстановить события.

Денис посмотрел на разобранное крепление кресла. Винт всё ещё находился в дырке. Он потянул его двумя пальцами, и тот вышел легко, вместе с втулкой.

— Погиб?

Мужчина сказал, что подробности объяснят на месте. Спросил, как скоро Денис может приехать. Денис ответил, что через час, потом попросил повторить адрес: не записал.

После звонка он ещё некоторое время сидел. Первая мысль была страшной не своим содержанием, а тем, как быстро появилась: Павел больше не позвонит.

Лишь потом Денис понял, что теперь будут звонить другие.

Инга вернулась, когда он уже переоделся. Увидела на столе детали, попросила убрать, чтобы не потерялись. Денис сказал, что надо съездить по вчерашнему заказу.

— Доделывать?

— Выяснить кое-что.

— Что?

Он мог сейчас сказать ей о смерти. Даже не о краже — только о смерти человека, с которым вчера работал. Но за этим последовали бы вопросы, а он ещё не решил, на какие сможет ответить.

— С мебелью. Не всё сошлось.

Инга поставила пакет на стул.

— Ты же сказал, приняли.

— Я сам пока не знаю.

Это было правдой, и Денис ухватился за неё с облегчением. Пообещал вернуться к вечеру. На этот раз Инга не стала напоминать, что у них нет планов, для которых нужно его разрешение. Просто отошла от двери.

Сумка осталась в шкафу. Денис взял только ключи, документы и телефон.

* * *

В коридоре пришлось ждать. Вдоль стены стояли стулья, один был занят пожилым мужчиной с прозрачной папкой. Мужчина спросил, кто последний. Денис ответил, что его вызвали, и сразу понял: у каждого здесь было такое же объяснение, только оно ничего не говорило об очереди.

Плужников вышел сам. На нём была простая тёмная рубашка с закатанными рукавами. Он сверил фамилию, пригласил Дениса в кабинет, показал на стул. На столе не оказалось ни оружия, ни толстого дела, ни других вещей, которые Денис заранее представлял. Была чашка с пакетиком чая, залитым почти до края.

Сначала проверили документы. Плужников объяснил, в связи с чем получает объяснение, и назвал права, включая право не свидетельствовать против себя и пользоваться помощью адвоката. Денис слушал и старался выглядеть человеком, которому нечего скрывать. Слово «адвокат» показалось ему красной лампой: если попросить, она сразу загорится у него над головой.

— Мне рассказать, как возили? — спросил он.

— С начала. Кто вас нанял, когда приехали, кто был с вами.

Рассказывать о переезде оказалось легко. Денис знал его лучше любого другого человека в этом кабинете. Он объяснил, почему нельзя было взять всё одним рейсом, где потеряли час, сколько заплатили Филиппу. На словах «четырнадцать тысяч» даже почувствовал прежнюю рабочую обиду: хозяин сначала недооценил объём.

Плужников записывал. Иногда возвращал его к времени, иногда просил назвать человека полным именем. Фамилию Якова Денис не знал. Бухгалтера видел, но прежде не встречал. О рабочем на новом складе смог сказать только, что худой, стрижка короткая, был в сером рабочем халате.

— Веретенников оставался жив, когда вы уезжали?

— Конечно. Он с нами тумбу нёс. Потом рассчитался. Ещё писал, когда мы всё поставили.

— Переписку покажете?

Денис показал. Фотографии мебели, вопрос о ручках, ответ с пакетом внутри ящика. Плужников не стал читать остальные разговоры в телефоне; попросил сохранить эту переписку и объяснил, как её оформят для проверки. Денису дали возможность самому пролистать к нужному месту. От этого он расслабился больше, чем следовало.

— Потом общались?

— Звонил вечером.

— Когда?

Денис открыл вызовы.

— Восемнадцать двенадцать.

— О чём говорили?

Он посмотрел на строку. Длительность звонка была рядом, обыкновенные цифры, не отличавшиеся от других. Никаких слов возле них не хранилось.

— Про вещи. Что где лежит.

— Что именно?

— Ручки искал. Потом ещё спрашивал, всё ли выгрузили.

Плужников перестал писать.

— Вы до этого отправили фотографию ручек.

— Ну да. Он не сразу понял.

Денис уже произносил это дома. Теперь повтор звучал почти надёжно. Плужников посмотрел на него, потом снова на телефон.

— Деньги в кабинете видели?

— Какие деньги?

Это получилось слишком отчётливо. Денис услышал в своей интонации человека из плохого фильма и не смог её исправить.

— Наличные. В сейфе, в сумке, ещё где-то.

— Нет. Я на чужие деньги не смотрю.

— На чужую мебель смотрите?

— Работа такая.

— Тогда и здесь говорите, что видели. Без характеристик себе.

У Дениса загорелись уши. Он отвёл глаза к чайной чашке. Вода в ней давно перестала двигаться, пакетик расправился на дне, и нитка прилипла к мокрому краю.

Плужников спросил, зачем Денис возвращался наверх один. Тот ответил: за сумкой. Зачем оставил её там? Работал, мешала. Сколько времени пробыл? Недолго. К сейфу подходил? Нет.

Последний ответ прозвучал уже без запинки. Денис обнаружил, что ложь становится удобнее от повторения, и испугался этого удобства.

* * *

Плужников повернул экран. На записи был узкий проход между комнатами. Денис узнал угол шкафа и край стола, который они потом вынесли. Своё лицо он увидел плохо: человек в кадре нагнулся, подхватил сумку, исчез за дверным косяком. Через некоторое время появился снова.

— Это вы?

— Я.

— Здесь что делаете?

— Сумку беру.

— А потом?

Денис посмотрел ещё раз. Камера не видела полку сейфа и его рук возле неё. Он это понял сразу. Изображение не освобождало его, но давало маленькое пространство, в котором можно было продолжать спорить.

— Там тумба была. Я ручки снимал, чтобы не поцарапать.

— Это до или после?

— Что до или после?

— До того, как взяли сумку, или после?

Денис понял, что сам встал в придуманное время и теперь не может выйти. Он действительно снимал ручки. Действительно работал возле тумбы. Но сумку поднял для другого, и если точно расставить все движения, это другое займёт своё место.

— Не помню по секундам.

Плужников не стал говорить, что память у Дениса избирательная. Просто вернул запись на несколько секунд назад.

— Посмотрите спокойно.

Человек на экране снова нагнулся. На этот раз Денис заметил, как он поднял голову к двери. Так смотрят, когда ждут, не войдёт ли кто-нибудь. Денис и раньше видел себя на домашних видео, но ни разу не узнавал в собственном движении того, о чём не хотел знать.

— Тут ничего нет, — сказал он.

— Здесь есть вы. Я спрашиваю о ваших действиях.

Изображение остановилось. Плужников положил рядом лист, не показывая его целиком, и спросил о финансовых трудностях.

Денис ответил, что трудности у всех. Следователь подождал. Тогда Денис рассказал про ремонт фургона, про задержавшиеся оплаты. Стаса не назвал. Сумму своего долга тоже.

— В кабинете находились восемнадцать миллионов рублей, — сказал Плужников. — По сообщению человека, который передал их Веретенникову. Сейчас их местонахождение устанавливается.

Денис почувствовал, что ему стало холодно под мышками.

— Сколько?

Плужников повторил.

— Этого не может быть.

— Почему?

Денис смотрел на остановленный кадр. Его сумка была видна сбоку, тёмная, почти плоская. Он хотел сказать, что восемнадцать туда не поместились бы, но не знал, правда ли это. Он вообще не представлял, сколько места занимают восемнадцать миллионов. Ещё вчера не представлял и миллион.

— Такие деньги просто так не оставляют.

— А какие оставляют?

Денис сжал пальцами край сиденья.

— Я не знаю.

— Поэтому давайте не исключать то, чего вы не знаете. Пока речь о сообщённой сумме. Мы проверяем, когда деньги поступили и что с ними происходило. Вы были в помещении, где их хранили, и возвращались туда один.

— Я его не трогал.

Плужников посмотрел на него внимательнее.

— Веретенникова?

— Конечно, Веретенникова. Мы мебель возили. Он после меня живой был.

— Кто-нибудь сейчас сказал обратное?

Денис не ответил. Ему казалось, это уже произнесли вслух, только он пропустил несколько слов.

Дальше спрашивали о вечере. Во сколько приехал домой, кто видел, выходил ли после ужина. Денис назвал Ингу и Льва. Его рассказ впервые с начала разговора снова стал точным. Он вспомнил картон для карточек, мясо, слишком высокий стул соседа. Плужников остановил его на стуле: подробность не относилась ко времени. Денис почти обиделся. Он предлагал единственную часть дня, в которой не было ничего украденного, и хотел, чтобы её выслушали целиком.

Перед подписью ему дали прочитать объяснение. Денис читал медленно. Возле фразы о деньгах остановился и несколько секунд держал ручку над листом. Можно было сейчас сказать, что здесь неправильно. Можно было попросить адвоката и уже не изобретать следующую фразу самому.

Он подписал.

Плужников сказал быть на связи и не удалять сообщения. Не пообещал, что на этом всё закончится. Денис и не спрашивал. В коридоре пожилого мужчины с папкой уже не было. На

его стуле сидела женщина с красными от слёз глазами, и Денис поспешил мимо, боясь, что она заговорит с ним.

* * *

На улице он не сразу нашёл свою машину. Прошёл дальше, вернулся, нажал кнопку на брелоке. Фургон отозвался коротким сигналом, в котором было что-то услужливое и униженное: единственная вещь, которая по-прежнему делала, что он велел.

Инга позвонила, прежде чем он успел открыть дверь.

— Ты где?

— Уже еду.

— Мне звонили. Спрашивали, во сколько ты вчера домой пришёл.

Денис прислонился к машине.

— Да. Я сказал, что дома был.

— Человек умер, Денис.

— Я узнал сегодня.

— Ты мне сказал: мебель не сошлась.

По голосу он понял, что она не плачет и не собирается кричать. Это было хуже. Она ждала объяснения, которое он ещё не приготовил.

— Не хотел пугать раньше времени.

— А теперь уже время?

Он посмотрел на закрытую водительскую дверь. На стекле остался отпечаток его ладони.

— Я приеду и расскажу.

— Что расскажешь?

Денис молчал. Инга тоже. Наконец она сказала:

— Я ответила, что было. Ты дома после шести. Точно по минутам не помню. Лев пришёл позже. Я не сидела возле тебя весь вечер, я на кухне была, потом выходила мусор выбросить. Если ты им сказал, что я каждую минуту тебя видела, исправь.

— Я такого не говорил.

— Хорошо.

Она отключилась.

Денис сел в фургон, положил руки на руль. Во вчерашнем звонке Павел произнёс «миллион». Денис слышал это собственными ушами, видел две пачки, пересчитал двести купюр. А человек в кабинете говорил о восемнадцати.

Он попробовал представить, что объясняет разницу. Получалось, для того чтобы ему поверили хотя бы в одном, надо было признаться во всём, что он сделал на самом деле.

Телефон снова зазвонил. Филипп.

Денис дал ему прозвонить до конца. Потом нашёл в контактах знакомого, которому когда-то возил мебель после развода, и написал: «Тот адвокат у тебя нормальный был? Нужен номер. Срочно».

Глава 6. Чужой голос дома

Знакомый перезвонил вместо того, чтобы прислать номер.

— У меня по разделу был, — сказал он. — Тебе что делить?

Денис смотрел на дорогу перед капотом. Он ещё не тронулся с места, хотя сообщил Инге, что едет.

— Ничего. Нужен по уголовному.

На другом конце стало тихо. Потом знакомый начал говорить осторожнее, словно Денис только что сообщил о заразной болезни. Сказал, что узнает, попросил не отключаться, сам отключился. Через несколько минут пришло имя: «Алёна Демичева», номер и короткое: «Я объяснил, что срочно. Остальное сам».

Алёна ответила не сразу. Спросила, кто дал телефон, выслушала две спутанные фразы, затем перебила:

— Вы сейчас где? Вас удерживают?

— Нет. Я в машине.

— Сам можете приехать?

— Да.

— Тогда приезжайте. Пока говорите только, если речь о немедленной опасности. Остальное при встрече.

Денис хотел спросить, сколько это будет стоить. Вместо этого попросил адрес. Потом позвонил Инге и сказал, что задержится ещё на час.

— Где?

— У адвоката.

Она молчала так долго, что он проверил, не оборвалась ли связь.

— Инг.

— Приезжай потом. И не начинай по телефону.

* * *

В кабинете Алёны стояла большая коробка с комнатным растением. Само растение лежало боком на упаковочной бумаге; земля рассыпалась возле тумбы. На столе были ножницы и пакет из цветочного магазина.

— Не обращайтесь внимания, — сказала она. — Хотела забрать домой. Не всё помещается в машину, даже если продавец уверен в обратном.

Денис машинально посмотрел на коробку.

— Можно верх согнуть.

— У растения?

— У коробки. Стебли между...

Он остановился. Алёна отодвинула ножницы, показала на стул.

— Сначала ваше.

На встречу она пришла в кроссовках и светлом свитере, без той деловой строгости, на которую Денис рассчитывал. Ему хотелось, чтобы адвокат одним видом доказал существование порядка. Алёна задала несколько вопросов о предыдущем разговоре, выяснила, какие документы он подписывал, и попросила рассказать события, не выбирая удобных частей.

Денис начал с восемнадцати миллионов.

Она остановила его:

— Это вам сказали. А вы что сделали?

— Взял деньги.

Он впервые произнёс это не мысленно. Слово получилось тихим. Алёна придвинула чистый лист, но не начала сразу писать.

— Сколько?

— Миллион. Только миллион.

— Без «только». Откуда знаете сумму?

— Пересчитал.

— Когда и где?

Так ему пришлось рассказать и о гаражах, и о шестидесяти купюрах, и о Стасе. Алёна уточняла не то, чего он ожидал. Осталась ли расписка. Сохранились ли бумажные полосы. Где находятся оставшиеся деньги. Видела ли их жена. Что именно Павел сказал по телефону. Есть ли запись разговора.

— Нет. Просто звонок.

— Тогда содержание — с ваших слов. Не выдаём его за запись, которую можно включить.

— Но он же назвал миллион.

— Вы это расскажете. Проверять будут вместе с остальным.

Денис подробно описал две пачки. Потом сейф, положение дверцы, тумбу. На имени Филиппа замялся.

— Я сказал Павлу, что он со мной всё время был.

— Это так?

— Нет. Я один оставался. Несколько минут.

Алёна записала. Денис попытался объяснить, что не хотел подставлять Филиппа; просто у него тогда вырвалось. Она не стала спорить с причиной. Спросила, повторял ли он это кому-нибудь ещё.

Он не был уверен. За сегодняшний разговор прозвучало столько фраз, что некоторые уже слипались с тем, что он только собирался сказать. Алёна предложила не угадывать. Они вернулись к подписанному объяснению: Денис передавал то, что помнил, а рядом она отмечала места, которые надо проверить по документу.

— Меня посадят? — спросил он наконец.

— Я не могу сейчас обещать ни свободу, ни конкретный приговор. Взятый вами миллион сам по себе серьёзное обвинение. И надо отделять вашу кражу от того, что случилось потом.

— Так я ради этого и пришёл. Я его не убивал.

— Я слышала. Теперь нам нужны ваши точные действия. Где вы были, кто видел, какие сообщения остались. Не надо давать имя человека просто потому, что он вам не понравился.

Денис почувствовал обиду. Он ещё никого не назвал убийцей, а она уже запрещала ему единственный способ отодвинуть опасность — показать на другого.

Алёна заметила, что он откинулся на спинку стула.

— Хотите, чтобы вам поверили сразу?

— Хочу, чтобы хотя бы вы.

— Я могу защищать вас, не обещая, что ваши слова отменят все вопросы. Вчера вы забрали деньги. Сегодня сказали, что не видели их. Завтра этот разговор придётся исправлять. Это работа, а не голосование за вас.

Он посмотрел на растение. Из земли торчал светлый обломок корня; Алёна осторожно прикрыла его мокрой салфеткой ещё до того, как они сели. Денис почему-то вспомнил это сейчас и спросил, можно ли возвращать деньги частями.

Они обсудили оставшиеся семьсот тысяч. Не как цену освобождения, а как то, что он мог добровольно выдать и документально подтвердить. Триста, отданные Стасу, предстояло указать, не требуя от знакомого задним числом сыграть другую роль. Алёна отдельно сказала

не звонить ему с просьбой переоформить расписку и не договариваться с Филиппом о словах. Денис согласился слишком быстро, и она попросила повторить, что он собирается делать.

— Деньги не трогаю. Никого не учу, что говорить. Завтра иду с вами.

— И сегодня не начинаете новые объяснения по телефону без меня. Если вызовут раньше — сообщаете, что хотите явиться с адвокатом, и звоните мне. Не прячетесь, не выключаете номер.

Он кивнул.

Соглашение они прочитали вместе. Денис спросил о стоимости, на этот раз уже вслух. Алёна назвала оплату первого этапа и объяснила порядок дальнейшей работы. Не предложила «решить вопрос», не прибавила сумму за срочность. Всё равно это были деньги, которых у Дениса сейчас не было в свободном остатке.

— Из тех семисот платить нельзя, — сказал он прежде, чем она успела предупредить.

— Верно.

Они договорились о сроке оплаты. Денис понимал, что придётся отдельно говорить с Ингой о семейных средствах; за неё он в соглашении ничего не обещал. Алёна пояснила и возможность защиты по назначению, если он не сможет оплачивать выбранного адвоката. Он слушал, но уже не хотел искать другого человека, которому всё придётся произносить сначала.

Перед уходом она попросила прислать адрес места жительства и данные документов для завтрашней работы. Денис записал, что взять с собой, на обороте своей рабочей визитки. Потом вернулся к коробке с растением.

— Давайте всё-таки донесу. У меня сейчас машина пустая.

Алёна посмотрела на него и покачала головой.

— Езжайте домой. Я уже вызвала большую.

* * *

У фургона его догнал Филипп. Он позвонил, пока Денис спускался от адвоката; оказалось, ехал неподалёку на машине приятеля. Денис назвал двор. Филипп попросил посадить его здесь и теперь шёл через стоянку, не убирая телефон из руки.

— Ты что им сказал? — спросил он.

— Кому?

Филипп не ответил. Просто смотрел. От его молчания вопрос Дениса стал ещё глупее.

— Про переезд сказал. Что мы работали.

— Мне звонили. Спрашивали, уходил ли я из комнаты. Почему они спрашивают, всё ли время мы были вместе?

Денис открыл водительскую дверь, но не сел. На сиденье лежала бумажная квитанция с заправки; он поднял её и переложил в боковой карман.

— Потому что выясняют.

— Мы не всё время вместе были.

— Я знаю.

— Ты наверху оставался. Я иду — тебя нет. Потом тумбу несли, ты за сумкой опять пошёл. Я это скажу.

— Говори.

Филипп нахмурился. Он, видимо, готовился к спору и теперь не понимал, куда деть приготовленные слова.

— Ты не говори за меня, что я видел.

Денис кивнул.

— Не буду.

— И на завтра ищи другого. Меня утром вызывают.

— Меня тоже. Заказ отменю.

Филипп потёр ладонью щетину. Денис впервые заметил, что тот не побрился и выглядит моложе обычного, почти как Лев после тяжёлой учебной недели.

— Он правда умер? — спросил Филипп.

— Правда.

— Вчера нормальный был.

Денис не нашёл, что ответить. Филипп постоял ещё немного, затем попросил довести до остановки. Они ехали молча. При выходе Филипп взялся за ручку, не открывая дверь.

— Ты деньги взял?

Денис посмотрел на него.

— Да.

Филипп отпустил ручку. Несколько секунд сидел неподвижно. Потом спросил:

— Мне мои пять оттуда дал?

— Нет. Павел за работу рассчитался. Четырнадцать. Ты рядом был, помнишь? Из них дал.

Филипп вспомнил. Это было видно по тому, как он перестал смотреть на Дениса и уставился в лобовое стекло.

— Я думал, опять заказчик чудит, — сказал он. — С деньгами, с полицией. Думал, ты просто не хочешь говорить.

— Филипп...

— Я завтра скажу, что знаю.

Он вышел, аккуратно закрыл дверь. Не хлопнул, не выругался. Денис подождал, пока он отойдёт, потом отменил понедельничный заказ. Пришлось дать номер другого перевозчика. Заказчик спросил, что случилось с машиной. Денис ответил, что машина в порядке.

* * *

Инга сидела на кухне. Не у стола, а на маленьком стуле возле окна, на котором обычно ставили таз с бельём. Рядом лежал телефон. На столе стояла кастрюля с оставшимся со вчера мясом; крышка была закрыта.

Денис снял куртку, открыл нижнюю дверцу шкафа в прихожей и вытащил сумку из-за ящика с проводами. Принёс на кухню, поставил на пол между собой и холодильником.

— Я вчера взял у него деньги, — сказал он.

Инга посмотрела на сумку. Потом на него.

— В займы?

— Украл.

Её лицо не изменилось сразу. Она успела чуть приподнять брови, как делала, когда не слышала последнего слова, и так осталась.

— Сколько?

— Миллион.

— Миллион.

Она повторила без вопроса, будто проверяла, существует ли такое слово у неё во рту.

Денис рассказал про две пачки. Начал объяснять открытый сейф, потом увидел, что Инга закрыла глаза, и сократил рассказ до того, что сделал. Взял. Пересчитал. Отдал Стасу триста. Остальное принёс домой. Семьсот тысяч здесь, в сумке.

Инга не попросила показать. Встала, сняла с холодильника расписку Стаса, положила перед ним.

— А это ты зачем мне показывал?

— Он действительно получил.

— Я знаю, что он получил. Зачем мне?

Денис молчал.

— Чтобы я сказала спасибо?

— Нет.

Она посмотрела на него, и он понял, что снова выбрал ответ слишком быстро.

— Я хотел, чтобы ты перестала тревожиться.

— Я вчера перестала. На целый вечер.

Она села уже за стол. Передвинула кастрюлю, освобождая место, хотя ничего не собиралась туда ставить. Денис остался стоять. Ему хотелось коснуться её плеча; он не понимал, имеет ли право хотя бы на это, и от собственной осторожности становился ещё неприятнее самому себе.

— Он звонил про деньги? — спросила Инга.

— Да.

— Не про ручки.

— Не про ручки.

— А я тебе ещё...

Она не закончила. Денис вспомнил, как она отнесла тарелку к раковине, как пропустила его ответ, потому что устала. Все те секунды были её жизнью, а он пользовался ими, чтобы она не догадалась.

— Я его не убивал.

Инга резко подняла голову.

— Я сейчас про нас говорю.

Он замолчал.

За стеной заработала дрель. Сосед начинал ремонт по выходным ровно тогда, когда Денис собирался отдохнуть; обычно он стучал в ответ или выходил на площадку. Теперь они оба слушали тонкий высокий звук, не двигаясь. Дрель замолкла, потом включилась снова.

— Фургон можно было продать, — сказала Инга.

— Я знаю.

— Мы говорили. Ты сказал, что без него пропадёшь.

— Я помню.

— Я ещё думала, может, правда нельзя так сразу. Может, я не понимаю твою работу.

Денис посмотрел на расписку. Нижняя подпись Стаса лежала к нему вверх ногами.

— Ты понимала.

Инга отвернулась к окну. Не стала отвечать, что теперь от этих слов толку. Ей не надо было выигрывать спор, который уже стоил слишком дорого.

Он рассказал о восемнадцати миллионах, о полиции, об адвокате, о завтрашней выдаче денег. На словах «семьсот верну» Инга спросила:

— А триста?

— Надо будет возмещать.

— То есть долг у нас остался.

— Не у нас. У меня.

— За квартиру ты отдельно теперь живёшь? За еду? Если тебя не будет, мне это тоже отдельно считать?

Он опустил на стул. Хотел сказать, что именно поэтому пойдёт сам, расскажет всё, постарается исправить. Но это опять звучало бы как решение за двоих, только более торжественное.

— Оплату адвоката я ещё не внёс, — сказал он. — Договорился о сроке. Из этих денег ничего брать не буду.

Инга посмотрела на сумку с таким отвращением, словно он принёс в кухню мокрую грязную вещь и поставил возле продуктов.

— Убери её пока отсюда. Поставь туда, где она вчера лежала. Мне надо подумать.

Он выполнил просьбу. Вернулся, но Инга покачала головой: больше разговаривать сейчас не могла.

Денис забрал со стола детали кресла. Сложил в пакет, отнёс в бывшую комнату Льва. Там давно стояли коробки с несезонной одеждой и складной столик, за которым Инга иногда работала. На диване лежали чистые простыни, ещё не убранные после сушки. Денис сел на край, потом встал и начал освобождать место.

В дверях появилась Инга.

— Льву скажешь сам. Сегодня. Без «я ради вас».

Он кивнул.

Сын ответил с улицы. Спросил, что с креслом. Денис посмотрел на маленький пакет рядом с собой и сказал, что кресло пока подождёт. Нужно рассказать другое.

Глава 7. Семьсот тысяч

Утром Инга положила перед ним синий конверт для документов.

— Бумаги туда складывай. А то потом опять по карманам.

Денис взял конверт. Пластик был потёрт на сгибе, кнопка закрывалась только со второго раза. В нём когда-то носили справки Льва. На внутренней стороне ещё оставалась наклейка с номером школьного кабинета.

Инга не спрашивала, что сказал сын. Вчера Денис после звонка сообщил ей только, что поговорил. Лев почти ничего не ответил; попросил не звонить утром, у него занятия, и сказал, что вечером сам свяжется. Денис не знал, была ли это просьба подождать или способ отложить разговор на неопределённый срок.

Он положил в синий конверт паспорт, расписку Стаса, список, составленный у Алёны. Деньги оставил в старом бумажном конверте внутри сумки. Бумажные полосы от пачек тоже были на месте, в маленьком кармане. Денис показал Инге, где лежат документы на машину.

— Я знаю, — сказала она.

— На всякий случай.

— Я знаю, Денис.

Он перестал объяснять. Вышел в прихожую, надел обувь. Инга стояла в дверях кухни. Ей тоже надо было на работу; на стуле лежала приготовленная блузка, а она всё ещё была в домашнем кардигане.

— Позвони, когда сможешь, — сказала она.

Денис кивнул. Хотел поцеловать её, но расстояние между ними оказалось слишком большим для движения, которое вчера не требовало решения.

На лестнице он остановился и проверил, взял ли ключи. Они были в обычном кармане. Он ещё мог вернуться, зайти на кухню, сделать всё неловко, но по-настоящему. Вместо этого пошёл вниз: Алёна уже ждала.

* * *

О намерении явиться и выдать деньги адвокат сообщила заранее. Это не избавило их от ожидания и не обеспечило никакого особого входа. Денис предъявил документы, объяснил, к кому пришёл, прошёл обычный коридор. Сумку держал за обе ручки.

Следователь по делу о краже представилась Ларисой Руденко. У неё была короткая стрижка и ручка, которая не писала с первого нажатия. Она несколько раз провела по краю чернового листа, потом достала другую. Денис всё это время стоял, пока ему не предложили сесть.

Алёна положила перед собой блокнот и спросила о порядке оформления. Денис услышал название дела, свою фамилию, слова о процессуальном положении. Руденко объяснила права. На этот раз он не старался показать, будто адвокат ему не нужен: Алёна уже сидела рядом, и её присутствие было единственной частью происходящего, в которой он не сомневался.

Сначала он сообщил, что хочет признаться в краже и добровольно выдать оставшиеся деньги. Слова записали. Затем попросили рассказать, откуда они, когда взяты, что произошло с остальной частью.

— Миллион рублей, — сказал Денис. — Две пачки по сто купюр. Пять тысяч каждая. Я пересчитал после того, как уехал.

— До этого точную сумму знали?

— Нет. Видел, что много.

Руденко посмотрела на него поверх листа.

— Почему взяли обе?

Он хотел ответить про долг. Уже открыл рот, но вопрос был не о том, зачем понадобились деньги. Триста тысяч можно было взять отдельно. Он взял всё, что увидел на полке.

— Потому что лежали, — сказал он. — И я смог.

Это прозвучало беднее всех объяснений, которые он готовил ночью. Руденко не помогла ему улучшить ответ. Записала, уточнила, где находились другие люди, и попросила продолжать.

Он рассказал о Филиппе и Павле в кладовой. О том, как взял сумку. О чёрном зажиме, упавшем на полку. Как вернулся к тумбе, потом снова поднялся за оставленной сумкой. Где считал деньги, кому передал триста тысяч, где хранил остальные семьсот. Не называл возвращённый долг «помощью знакомому» и не пытался объяснить кражу ремонтом машины. Каждый раз, когда хотел добавить оправдание, замечал край Алёниного блокнота и возвращался к действию.

Потом настала очередь денег.

Денис открыл сумку, вынул конверт. Не вытряхнул его на стол, хотя такое движение было бы проще. Достал купюры, положил перед собой и убрал руки. Во время оформления их осмотрели и пересчитали. Денис следил за ровными стопками, как будто мог потерять что-то ещё, если перестанет смотреть.

Семьсот тысяч.

Сумма сошлась. Он испытал облегчение, совершенно несоразмерное обстоятельствам. Руденко уточнила, откуда бумажный конверт. Денис объяснил, что переложил в него деньги дома; первоначально были только бумажные полосы. Полосы он тоже выдал. Сумку осмотрели и изъяли с оформлением, отделив нужные для дела предметы от его обычных вещей. Старые чеки, ремень и маленький фонарь положили отдельно. Фонарь включился, когда его задели, и на столе заплесало белое пятно.

Денис потянулся выключить. Остановился, спросил разрешения. Ему кивнули.

Так он впервые за утро сделал что-то привычное: нажал кнопку на собственном фонаре.

Алёна внимательно прочитала описание выданного. Попросила уточнить, что бумажные полосы находились отдельно от купюр, а не стягивали предъявленные пачки. Руденко исправила формулировку. Денис понял, зачем адвокат задерживается на том, что ему самому казалось мелочью: первоначальная упаковка и конверт, в котором он принёс деньги, — разные вещи, как бы удобно ни было назвать их одним словом.

Он подписывал после чтения. Возвращался к строкам, спрашивал, если не понимал. Никто не похвалил его за внимательность, но и не торопил словами, что всё стандартное.

Когда деньги убрали в оформленную упаковку, на столе осталось свободное место. Денис посмотрел на него и понял, что больше не может решить, отдавать или не отдавать. Решение наконец стало совершённым действием.

* * *

О Стасе спрашивали отдельно. Денис дал номер, адрес, показал расписку с припиской о возврате. Руденко уточнила, почему рассчитался именно в субботу. Он рассказал о сообщениях и сроке до шести.

— Он знал происхождение денег?

— Нет. Я сказал, что за заказ отдали.

— Связывались с ним после этого?

— Нет.

Денис подумал о незавершённом звонке утром в воскресенье. Номер открывал, вызов не отправлял. Сказал и это. Руденко уточнила, был ли разговор, и, услышав, что не было, вернулась к следующему вопросу. Ему хотелось выгрузить из головы каждое движение, чтобы потом никакое не оказалось скрытым. Но не все его движения были событиями для дела.

Во время перерыва Алёна предложила выйти в коридор. Денис отказался: боялся, что стоит подняться, как кто-нибудь скажет, что теперь уходить нельзя. Она заметила это и не стала делать вид, будто не понимает.

— Мы сейчас можем выйти. Дальше будут отдельные решения, я вам объясню, когда их объявят.

В коридоре Денис выпил воды. Стакан был слишком мягкий, сминался в руке. Он поддерживал его снизу и спрашивал шёпотом, поверила ли Руденко сумме.

— Она приняла ваше заявление и деньги, — сказала Алёна. — Это мы знаем. Остальное пока проверяется.

— Я не могу показать, чего не брал.

— Вам не надо придумывать невозможное доказательство. Надо не мешать проверять то, что было.

Он посмотрел на двери. Из соседнего кабинета вышел мужчина в рабочей куртке и быстро прошёл к выходу. Денис проводил его глазами.

— Если домой отпустят, мне работать можно?

— Обсудим точные ограничения. Самовольно уезжать в другой город нельзя, если изберут подписку. Перевозки по Самаре сами по себе не запрещены. Но вызовы обязательны, и никаких разговоров со свидетелями с просьбами изменить сведения.

— Я Филиппу вчера сказал.

Алёна повернулась к нему.

Денис пересказал встречу. Впервые почувствовал, как неприятно сообщать адвокату о том, что сделал после её предупреждений, даже если не просил солгать. Она задала два коротких вопроса: что именно он подтвердил и чего от Филиппа добивался.

— Ничего. Он сам спросил, взял ли я. Я сказал, что да.

— Это тоже укажем. Дальше без попыток собирать людей для общего разговора. Их показания должны остаться их показаниями.

Он кивнул.

* * *

Подписку о невыезде и надлежащем поведении Денис читал уже после допроса в качестве подозреваемого по краже. Руденко объявила решение, назвала обязанности и последствия нарушения. Алёна уточнила дату начала меры и срок, в который должно решаться предъявление обвинения. Они подали документы о месте жительства и работе; добровольная явка и выдача денег тоже были зафиксированы. Денис слышал в этом основания конкретного решения, но никак не мог перестать ждать фразы, что всё отменяется и он остаётся здесь.

Такой фразы не было.

Он получил положенные копии, сложил их в синий конверт. На одном листе стояло пятнадцатое сентября. Дата выглядела слишком буднично для дня, который теперь придётся помнить без напоминаний.

— Это по краже, — сказала Алёна, когда они вышли. — По обстоятельствам смерти ещё надо дать показания. Я договорилась, нас ждут в следственном отделе. Не смешивайте два решения в одно.

Денис остановился у машины.

— Значит, сейчас всё сначала?

— Не сначала. О другом событии и о вашей связи с ним.

Он не спорил. Сел за руль, положил конверт рядом. Сумки больше не было. Фонарь и ремень лежали в пакете, который ему выдали для собственных вещей. Пакет шуршал при каждом повороте.

У Плужникова пришлось ещё раз вернуться к субботе. Алёна присутствовала и здесь. Денис сообщил, что прежний рассказ о содержании звонка был ложным, и подробно передал разговор с Павлом. Следователь попросил отделять слова, которые Денис помнит, от общего смысла. На втором повторе Денис уже не был уверен в одной фразе, сказал об этом и почувствовал страх: вдруг теперь сочтут выдуманным всё остальное.

Плужников уточнил, какую именно фразу он не берётся воспроизвести дословно. Записал ответ. Не потребовал сделать память безупречной.

— Почему вчера скрыли?

— Потому что украл.

— Вы понимали, что говорите о последнем известном вам разговоре с человеком, которого нашли мёртвым?

— Понимал.

Ответ дался тяжелее, чем признание в двух пачках. Денис не мог сказать, что не успел разобраться, что растерялся, что его неправильно спросили. Вчера он прекрасно понимал, чего боится.

Плужников вернулся к сумке у хозяйского стола. Денис рассказал, что видел её утром, когда начали носить вещи. Тёмная дорожная, размер описал приблизительно. Денег внутри не видел. Не открывал. Не мог уверенно сказать, где она стояла после возвращения со склада.

— Почему не можете? — спросил Плужников.

— Потому что не смотрел. Утром мешала, Павел ногой отодвинул. Потом я на другое смотрел.

Он поднял глаза. Следователь понял, что означало «другое», но попросил назвать.

— На сейф. На две пачки внизу.

Денис описал полку. Не стал утверждать, что во всём сейфе больше ничего не было: верхнюю часть он не осматривал. Про тумбу, ручки и совместный спуск с Павлом отвечал подробно. Назвал Филиппа человеком, который видел хозяина живым после того, как он, Денис, взял деньги. В этот раз не добавил, будто Филипп может подтвердить всё его поведение за день.

Вечер проверяли отдельно. Он дал разрешение оформить необходимые сведения из своего телефона, назвал домашние обстоятельства и сразу предупредил, что жена не следила за ним каждую минуту. Плужников сказал, что с ней и сыном будут разговаривать самостоятельно. Денис согласился. В первый раз это не было согласием человека, надеющегося, что до разговора дело не дойдёт.

Когда они вышли, уже темнело. Алёна попросила не считать сегодняшний день концом дела. Денис сказал, что понял, и набрал Ингу прежде, чем сел в машину.

— Я еду домой.

Она выдохнула в трубку. Только по этому звуку он понял, чего она ждала весь день.

— Всё отдал?

— Семьсот. Оформили. Остальное рассказал.

— Купи хлеба.

Он закрыл глаза.

— Какого?

— Обычного. Денис, я просто забыла купить.

— Куплю.

Это не было прощением. Он знал. Но пока она говорила с ним о хлебе, можно было доехать до дома, не выдумывая себе другую жизнь.

Глава 8. Цена правды

Во вторник Денис обнаружил, что у него нет сумки для ремней.

Старая осталась у следователя. Он знал это ещё вчера, но утром всё равно открыл шкаф и потянулся к привычному месту. Пластиковый ящик с проводами стоял криво, за ним была пустота. Денис постоял, потом взял из кухни большой пакет из магазина.

Инга увидела пакет и достала с антресоли холщовую сумку с длинными ручками.

— Эта порвётся, — сказала она.

— Мне пока хватит.

Она не стала спорить, просто положила холщовую на тумбочку. Денис переложил инструменты. Ручки оказались слишком длинными; при ходьбе сумка била по колену. Он завязал их узлом.

На работу он ещё не ехал. Нужно было отвезти Алёне недостающие документы и передать подтверждение оплаты первой части работы. Накануне они с Ингой обсудили семейный резерв. Она показала, сколько там осталось после обязательных расходов, назвала сумму, которую могла выделить сейчас. Денис предложил вернуть сразу с ближайших заказов. Инга попросила не назначать срок до того, как эти заказы появятся. Он согласился.

Теперь на телефоне лежало подтверждение перевода. Он смотрел на него с совершенно другим чувством, чем на вчерашние семьсот тысяч: эти деньги они действительно потеряли из своего дома.

У подъезда его ждал Стас.

Денис заметил знакомую машину и остановился на последней ступеньке. Стас вышел, захлопнул дверь, несколько раз нажал на брелок, хотя машина уже закрылась.

— Поговорим.

— Давай.

— Не здесь.

Они отошли к краю двора. Рядом женщина разгружала из багажника пакеты с землёй. Один пакет порвался, и она собирала чёрные комки ладонью. Денис машинально хотел помочь, но Стас взял его за рукав.

— Подожди со своей помощью.

Он отпустил сразу. Не угрожал, не тянул дальше, однако Денису стало стыдно, словно его поймали на попытке сбежать в хорошее дело.

— Мне звонили, — сказал Стас. — Про деньги.

— Я указал, что отдал тебе долг. Ты не знал, откуда они. Так и сказал.

— Спасибо, что не назначил сообщником.

Денис молчал.

— Ты у меня дома сидел. С матерью разговаривал. Расписку проверял, как будто я тебя обмануть хочу.

— Ты сам сказал проверить.

Стас посмотрел на него.

Денис почувствовал, что ответил точно и совершенно не к месту.

— Прости.

— За что?

— Что принёс тебе украденное. И соврал.

Стас сунул руки в карманы. Некоторое время смотрел на женщину с землёй. Та нашла целый пакет, подложила под порванный, справилась без чужой помощи.

— Я часть уже перевёл дальше, — сказал он. — За ремонт у матери. Остальное у меня. Мне теперь что делать?

— Я не могу тебе указывать. Меня адвокат...

— Я не про адвоката спросил.

Денис снова замолчал. Стас ждал человеческого ответа, а он предлагал инструкцию, за которой можно было спрятаться.

— Хотел бы сказать: я всё тебе устрою, — произнёс Денис. — Но не устрою. Они будут проверять. Расскажи, как было. Я не прошу ничего менять.

— А деньги назад у меня попросишь?

Вопрос попал в место, о котором Денис думал всю ночь. Если Стас вернёт триста, можно будет быстро закрыть сумму ущерба. Стас снова станет кредитором, и круг внешне замкнётся. Денис уже представлял, как обещает отдать с продажи машины, как просит всего несколько дней, как снова делает собственную беду чужой обязанностью.

— Не буду сейчас просить, — сказал он. — Если что-то официально потребуется, разбирайся с тем, кто требует. Это не мой перевод на хранение. Ты получил свой долг.

Стас долго смотрел на него.

— Лучше бы ты просто продал эту развалину.

Денис кивнул.

— Да.

— Я покупателя нашёл. Нормального. Не за бесценок.

— Знаю.

Стас вынул руку из кармана и провёл по щеке. Он выглядел усталым. Денис вспомнил, что тот теперь жил с матерью и, возможно, всю ночь помогал ей, а утром вместо своих дел приехал выяснять происхождение возвращённого долга.

— Я не хотел тебя... — начал Денис.

— Не надо. Ты хотел, чтобы от тебя отстали. Я отстал.

Стас пошёл к машине. Не подал руки. Денис не стал догонять. Он поднял холщовую сумку, которую успел поставить на асфальт, и почувствовал, как узел на ручках врезался в пальцы.

* * *

Алёна приняла документы и проверила платёж. Растение уже исчезло из кабинета, но на полу возле тумбы остался небольшой тёмный след от земли. Денис смотрел на него, пока она сверяла фамилии в копиях.

Он рассказал о Стасе. Алёна спросила, требовал ли тот что-нибудь и договаривались ли они о показаниях. Денис повторил разговор. Она отметила встречу для себя, напомнила сообщать о существенных контактах и не пытаться разрешить вопрос с чужими деньгами на основании устной договорённости во дворе.

— Я и не разрешил, — сказал Денис.

— Хорошо. Это как раз тот случай, когда отсутствие быстрого решения полезнее неправильного.

Она вернулась к документам. Денис ждал, затем спросил, нашлись ли остальные деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.